№ 25 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ИЮНЬ 1948 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

24-й год издания

МЫ И РОССИЯ

Экономическая нищета и политическое бесправие монархической России заставили многих рабочих и крестьян покинуть родину и искать экономического благополучия и свободы за ее пределами.

Мартовская революция 1917 года уничтожила монархический режим, установила широчайшие политические свободы и тем самым сделала Россию самой свободной страной в мире. Но эта революция носила политический характер — она не коснулась капиталистических основ, которые по своей природе являются источником нищеты и эксплоатации широких трудовых масс. Больше того, эта революция не позволяла прикасаться к этим основам и строго их оберегала. Широкие политические свободы, таким образом, стояли в кричащем противоречии с экономической зависимостью населения страны от небольшой кучки собственников земли, орудий и средств производства и всего остального богатства. Эта зависимость, фактически, как всегда и везде, поставила под угрозу само существование свободы. На почве этих противоречий протекало дальнейшее развитие революции, которое в ноябре 1917 года привело к полному устранению этих противоречий, к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению в России капитализма. С устранением последнего устранялась, **как думали,** главная причина экономической нищеты и угроза свободе.

Крестьяне захватили землю, рабочие — фабрики и начали сами свободно строить новые свободные общественные формы жизни. Россия покрылась густой и сложной сетью свободных городских и сельских общин и политически превращалась в свободную федерацию десятков тысяч вольных советов. Государство исчезало и замещалось великим принципом Парижской Коммуны — КОММУНАЛИЗМОМ, то-есть федерацией независимых сельских и городских общин. Крестьяне поделили землю и стали сами управлять ею, как общественной собственностью, при помощи своих Земельных Комитетов. Рабочие установили на фабриках свое свободновыбранное и сменяемое Рабочее Заводо-Управление и стали превращать фабрику в производственную коммуну, ведущую производство в интересах всего населения страны. Жители городов захватили в свои руки дома и управляли ими при помощи свободных Домовых Комитетов, которые, к тому же, постепенно становились первичными органами потребительской коммуны и охраны порядка и спокойствия — органами САМООХРАНЫ. Армия, угроза всякой свободе, была уничтожена и заменялась ВСЕОБЩИМ ВООРУЖЕНИЕМ НАРОДА. Одним словом, на нашей родине впервые в мире

создались условия для процветания действительной свободы, действительного экономического равенства и действительного братства, т. е. условия, к которым стремится культурное и передовое человечество.

Душой и телом рабочие и крестьяне (эмигранты) рвались на старую родину, совершавшую социальные чудеса перерождения; но война, а затем блокада стояли непреодолимыми препятствиями между ими и родиной. Наконец, война окончилась, снята блокада, нет больше гражданской войны в России и они, многие из них, со священным трепетом, поехали на родину, как в землю обетованную.

Что же они нашли там?

Они нашли страшную реакцию, которую называют революцией; они нашли попрание самых элементарных человеческих прав и свобод, деспотизм в форме "диктатуры пролетариата," точнее — они нашли там беспощадную диктатуру нового класса, БЮРОКРАТИИ, над пролетариатом и всем остальным населением; они нашли там государственное экономическое рабство, в сравнении с которым наемное рабство капиталистических стран — детская игрушка; они нашли безысходную нужду, доходящую до последней степени нищеты, которой, как язвой, поражены широчайшие рабоче-крестьянские массы; они нашли там старый знакомый им голод, миллионы могил, расстрелы, переполненные тюрьмы, концентрационные лагери и места старой царской ссылки; они соприкоснулись там с азиатским произволом огромного, могущественного военно-полицейского государства; наконец, они нашли там все революционные завоевания нашего народа и все результаты прогрессивных усилий дореволюционных поколений под стеклом в Музее Революции вместе со свободой и самой революцией.

Жить под таким режимом можно, только основательно забыв свое человеческое достоинство, превратившись в рабочую скотину. И они снова вынуждены были покинуть родину, но уже со страшной раной в сердце.

Если свобода в республиканском демократическом капиталистическом обществе, исключающем экономическое равенство, есть обман, привилегия и несправедливость, то социализм без свободы, как показывает наша родина, есть рабство и скотство. Мы не желаем ни того, ни другого ни одному народу, а тем более своей родине.

Очутившись снова на чужбине, по тем же самым причинам, как и в царское время, мы теперь так же, как и тогда, считаем своим священным долгом перед нашим народом, перед всем трудовым человечеством вести борьбу за свободную Россию, за довольство в ней для всех, за экономическое равенство, без которого невозможна никакая свобода, поэтому мы торжественно заявляем себя непреклонными врагами существующего в России режима, мы разоблачаем и будем разоблачать его перед трудящимися всех стран и бороться с ним до победного конца.

Опыт России показал и убедил нас, что вовсе недостаточно, как говорят государственные социалисты всех школ, уничтожить частную собственность, чтобы придти к бесклассовому обществу, к свободе и экономическому равенству. Оказывается, как показывает опыт нашей родины, нужно еще для этого уничтожить и государство, которое, будучи оставлено даже в самой либеральной форме, неизбежно уничтожает свободу, устанавливает привилегии, порождает новый господствующий класс — БЮРОКРАТИЮ и создает режим государственного рабства, самого ужасного, потому что оно всеобъемлюще.

Восстановление, углубление и расширение ноябрьских завоеваний 1917 года — вот наша цель. Мы хотим видеть Россию свободной Федрацией свободных общин, Федрацией сложной сети вольных трудовых советов.

Мы хотим видеть нашу родину свободной экономической Федерацией вольных фабрик, мастерских и полей, превращенных в производственные коммуны, ведущие все народное хозяйство в интересах довольства для всех.

Мы хотим, чтобы в основе нового свободного порядка нашей родины лежал свободный общественно-полезный труд для всех равный и для всех морально обязательный.

Мы боремся за установление такого порядка на нашей родине и зовем на эту борьбу всех соотечественников, рассеяных на чужбине.

Мы за равенство, свободу и братство. Объединяйтесь с нами!

Г. Максимов

Эта статья перепечатана из "Дела Труда" № 83, декабрь 1934 г., по просьбе товарищей из Детройта.—РЕД.

В современном обществе, разделенном на рабов и хозяев, не может существовать настоящей свободы; о ней не может быть и речи, пока будут эксплоататоры и эксплоатируемые, правители и подданные.—Кропоткин.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОЛОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

II
РЕАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Можно сказать, не греша против истины, что Россия, несмотря на победы, вышла из войны побежденной и что побежденная в войне Германия скорее оправится от своих поражений, чем победительница — Россия от своих побед.

Разорение неописуемое и потери материальные и людьми — астрономические. Едва ли можно найти что-либо подобное в мировой истории. На память приходит Тридцатилетная Война, но она — детская забава в сравнении с тем, что оставила после себя последняя война в России. Основа физического существования людей, основа экономической жизни страны — земледелие, сельское хозяйство, разрушено до того, что потребуются годы для его восстановления даже в условиях свободы, а в условиях государственного крепостничества этот процесс восстановления затянется и будет стоить миллионы новых человеческих жертв.

Большевистский географ Николай Михайлов говорит, что помимо "колоссального разрушения, имеются ужасные потери в людях — их трудно подсчитать, а когда подсчитаешь — почти невозможно вообразить. Очень неполная предварительная оценка только для одной Украины дает следующие астрономические цифры: убито — 2.5 мил., пропало без вести — 1.5 мил., угнано в рабство в Германию — 3 мил. Это значит, что гражданское население сократилось самое меньшее на 10-15%.

"Это только прямые потери. Добавьте к ним чрезвычайно низкую рождаемость во время оккупационного периода и ненормально высокую смертность."

Что касается Белоруссии и Балтийских Республик, то "мы видим там то же самое, что видели на Украине и в Молдавии . . ." [1]

Низкая рождаемость и высокая смертность имели место не только в оккупированной немцами территории, но и в тылу Красной Армии. Один из самых про-кремлевских журналистов Соединенных Штатов, Морис Хиндус, рассказывает в своей книге: "Матушка Россия," что в городишке Куйбышевской области, составной частью которого являются Русские Липяги, он просмотрел записи браков, рождаемости и смертности и нашел что "население городка до войны было 3,243. В 1940 г. было 5 браков, 111 рождений и 56 смертей. В 1941 году, несмотря на 6 месяцев войны, было 48 браков, 112 рождений и 46 смертей. В июле 1942 г. было только два брака, 23 рождений и 31 смерть."[2] Приведенный Хиндусом факт важен в том отношении, что он дает основание предположить, что указанное явление не местное, а всероссийское, и что оно прогрессировало в годы войны.

Перед войной, в 1940 г., в стране имелось 6,980 Машино-Тракторных Станций, они же были и починочными мастерскими; каждая станция обслуживала в среднем 32 колхоза, каждый со средней посевной площадью в 18,300 гектаров. Имелось 182,000 комбайнов, около 18.3 млн. лошадей, 64.6 млн. крупного рогатого скота, 111.6 млн. мелкого скота и 32.5 млн. свиней.[3]

Согласно Джону Л. Строму, война "нанесла колхозам сокрушительный удар. Официальные цифры военных потерь советского сельского хозяйства астрономические . . . 8.5 мил. лошадей, 26 млн. скота, 32 млн. свиней, 137 тысяч тракторов, 49 тысячь комбайнов, 4 млн. плугов, борон и др. земледельческих орудий, 265 тысяч сеялок и сажалок и 885 тысяч жаток и веялок . . . Только в одной Украине было потеряно 56 тысяч тракторов и 24 тысячи комбайнов." [4]

Последнее подтверждает Джон Фишер, бывший работник УНРРА на Украине. "Перед войной Украина имела около 100 тысяч тракторов. В 1946 г. только 40 тысяч были в работе и большинство из них расшатанные, сложенные из частей разбитых машин. Острый недостаток газолина, горючего, также затруднял механизированные сельскохозяйственные работы в 1945 и 1946 годах. Лошадей также не имелось, исключая тех жалких, которых не хотели красть даже немцы, и немногих забракованных кавалерией Красной Армии." [5]

[1] Nicholas Mikhailov, "Soviet Russia the Land and Its People," pp. 149, 181, Sheridan House, New York, 1948.

[2] Mauris Hindus, "Mother Russia," p. 223, Doubleday, Doran & Co., New York, 1943.

[3] Цифры заимствованы из книги Alexander Baykov, "The Development of the Soviet Economic System," pp. 331, 325, Cambridge University, The Macmillan Co., New York, 1947.

[4] John L. Strohm, "Just Tell the Truth," p. 60, Charles Scribner's Sons, New York, 1947.

[5] John Fisher, "Why They Behave Like Russians," p. 216, Harper & Broders, New York, 1947.

За недостатком машин и лошадей использовались мужчины, женщины, а в некоторых районах коровы. "Правда" сообщала об использовании "86 тысяч быков и 49 тысяч малоудойных коров" в Ростовской области. "Я видел большие команды мужчин и босых женщин, обрабатывавших землю мотыками," [6] говорит Джон Л. Стром. "Большое количество земли, — вторит ему Джон Фишер, — должно было быть взрыхлено заступами. Эта поясницу разламывающая работа в большинстве случаев выполнялась женщинами, которые составляют около 60% рабочих в колхозах." [7]

Уборка производилась серпом и косой, обмолот — цепами, а веяние, постаринке — лопатой, под ветерок. Согласно 'Социалистическому Земледелию' "из первых 20 млн. акров зерновых в 1946 г. комбайнами было сжато только 17%." [8]

При таком положении дела об удобрении почвы и говорить не приходится. Естественное удобрение, навоз, отсутствовало за неимением скота, а искусственное не вырабатывалось во все годы войны.

Говоря об Украине, Николай Михайлов пишет, что "Машино-Тракторные Станции, основа колхозов, все были сожжены. Многие деревни были сожжены дотла: немцы уничтожили свыше полумиллиона крестьянских домов и около такого же числа колхозных построек." [9]

Стром дорисовывает эту картину, придавая ей жизнь: "Русская семейная атмосфера сейчас не особенно счастливая. Война оставила 25 млн. бездомных, они скучились вместе по пяти, семи и десяти человек в комнате. Они устали и не имеют достаточно пищи. И едва ли найдется семейство, которое не потеряло бы отца, сына, или обоих.

"Более молодые женщины работают, поддерживаемые надеждой на более лучшую жизнь впереди. Пожилые также работают. Они никогда не знали ничего другого, кроме тяжелой работы. Многие из них, чтобы облегчить свое горе и бремя, обращаются к церкви." [10]

Для простого трудового народа, чтобы хоть на мгновение забыть свое безысходное горе и отрешиться от неприглядной действительности, имеются две возможности: залить его молитвой и слезами в церкви или вином в кабаке. Духовное и физическое опьянение народных масс принято большевиками, как один из методов управления ими.

По этой причине государство не только примирилось с церковью, но и приняло духовенство в состав правящего класса, обеспечив его материально, соответственно его положению в государственной машине: "жалованье простирается от 3,000 рублей в месяц для сельского священика до 40,000 для епископов." [11]

Таковы реальные условия, в которых находится русское сельское хозяйство в настоящее время. Теперь рассмотрим положение в этом хозяйстве основного его фактора, который приводит в движение все хозяйство, положение крестьянина.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА

Коллективное хозяйство, несомненно, имеет огромное преимущество перед индивидуальным, но только при одном определенном условии, при условии свободы коллектива и свободы в самом коллективе. Без этого условия все преимущества коллектива превращаются в полную противоположность и сам коллектив становится живым и энергичным отрицанием коллективной идеи. Последнее имеет место в России. Там коллективы, в данном случае колхозы, являются ежечасным кричащим отрицанием коллективной идеи и именно **потому**, что они поставлены на службу государства, живым и реальным выражением которого является бюрократия. Колхоз в руках государства стал орудием порабощения и непрерывного ограбления крестьянских масс, которые превращены в нем из свободных людей в крепостных государства, работающих на него в условиях гораздо худших, чем при барщине, в условиях дисциплины штрафного баталиона.

Такие колхозы экономически непроизводительны, как непроизводителен всякий рабский и крепостной труд. Следовательно, экономически они расточительны и разорительны, политически — реакционны, морально — развращающи, ибо они отнимают человеческое достоинство у одних и наделяют им сверх меры других: первые становятся рабами, вторые — полубогами; первые ограничиваются во всём, вторым дозволено всё.

Во время частного крепостничества крестьяне должны были отбывать барщину, а теперь — **государщину.** Первая, начиная с

[6] John L. Strohm, p. 61.
[7] John Fisher, pp. 216-217.
[8] John L. Strohm, p. 61.
[9] "Soviet Russia...", p. 161.
[10] John L. Strohm, pp. 171-2.
[11] John Fisher, p. 128.

императора Павла, была ограничена тремя днями, вторая не имеет никаких ограничений.

При частно-крепостническом режиме крестьянин имел в пользовании не только двор, скот, приусадебный участок, но и душевые наделы земли; при государщине он имеет всего лишь пол-гектора приусадебной земли, которую может обрабатывать только в свободное от государщины время.

При барщине крестьянин был собственностью барина, помещика; при государщине он стал собственностью государства. Личное благополучие первого находилось в прямой зависимости от плохого или хорошего состояния "говорящего скота," всякая потеря в "говорящем стаде" была потерей в личном благополучии помещика, поэтому, чтобы не разориться, он должен был заботиться о "говорящем скоте" не меньше, чем о немом. Государство такой зависимости не имеет, потому что оно является монопольным рабовладельцем, единственным собственником, единственным хозяином и потому что личное благополучие представляющих его рабопогонщиков, начиная от Сталина и кончая колхозным бригадиром, ни психологически, ни фактически, не находится в такой открытой, прямой и строгой зависимости от состояния говорящего стада, как личное благополучие бывшего помещика. Оно зависит от количества выработки, от количества работы, произведенной говорящим стадом независимо от того какими путями, средствами и при каких условиях и с какими потерями она достигнута, ибо потери в стаде легко замещаются. Отсюда та лескость, с какой государство прибегает в России к расстрелам, к заточению в тюрьмы, к высылке на каторжные работы: население сталинской Бухенвальдии исчисляется миллионами. Какое государство частных рабовладельцев могло бы позволить себе послать миллионы рабов на галеры и в рудники, не разорившись до нитки? Никакое! А вот государство-рабовладелец может позволить себе такую "роскошь" . . .

Ограничение крестьян в праве свободно переходить с земли одного владельца на землю другого началось еще до Бориса Годунова. Борис отменил Юрьев день, день, когда крестьяне могли заключать новые контракты с новыми землевладельцами. На это крестьянство ответило, во время первой гражданской войны 1604-13 годов, социальной революцей, во главе которой стоял Болотников. Окончательное прикрепление крестьян к земле, но не к помещику, — крестьянин все еще был свободным, лично независимым, юридической личностью, — произошло в 1649 г. при "Тишайшем" Алексее Михайловиче. На это крестьяне ответили второй социальной революцией под руководством Степана Разина. Прикрепление личности крестьянина к помещику и превращение его в полного раба началось лиш при Петре Великом. Крестьянство ответило Петру рядом местных бунтов, Астраханским восстанием против бояр в 1705 году и третьей социальной революцией 1707-8 годов под руководством Булавина. Наивысшего пункта развития рабство достигло при Екатерине Второй, когда эта распутница и убийца раздавала крестьян своим любовникам с необычайной щедростью. Крестьянство ответило четвертой социальной революцией 1774-5 годов под руководством Емельяна Пугачева. С этого времени до "освобождения" в 1861 году революций больше не было, но зато весь этот период был заполнен большими и малыми местными крестьянскими бунтами. Крестьянские революции и бунты потрясали страну до основания и разрушали её экономику.

В настоящее время государщина, заменившая барщину, экономически является неизмеримо более тяжелым ярмом, а политически и морально, на данном уровне крестьянского сознания, она более нестерпима, оскорбительна и унизительна. Это не только отбивает всякую охоту к прилежному труду, но толкает на сопротивление, на открытый бунт, на пассивное сопротивление, которое потрясает экономическую жизнь не в меньшей степени, чем открытое восстание.

Поскольку сама власть является причиной нищеты, хаоса и рабства, постольку она не в состоянии устранить их, не устранив самоё себя. Устраняться же она не хочет, отсюда неописуемый террор против крестьянства, тридцатилетняя война с ним, и, следовательно, постоянно нарастающий хаос и разложение всей экономики страны и всестороннее растление как угнетаемых, так и самих угнетателей.

В годы войны крестьянство ответило на всё это массовой сдачей в плен в начальные месяцы войны, организацией "Зеленой Гвардии" на Украине в 1942-3 гг., которая сражалась, на подобие Армии Махно, против немцев и против Красной Армии, организацией Власовской армии военнопленных и массовым невозвращенством. Демобилизованные отказались работать, потому что "они платят едва достаточно на хлеб," и занялись грабежами, которые в 1945 г. про-

катились волной по большим городам: в Киев нужно было вызвать целую кавалерийскую дивизию, чтобы приостановить грабежи.[12] Этот мотив демобилизованных являлся одним из основных мотивов крестьянского пассивного сопротивления. Это можно видеть из небольшой картинки, описанной Стромом:

"Во время нашего разговора женщины точили косы. Я похвалил их за воодушевление, с которым они размахивают своими косами, за отсутствием комбайнов, и обещал им рассказать о них американским женщинам.

"Одна из них сказала: 'Скажите им также, что мы нуждаемся в хлебе — мы не имеем достаточно хлеба для еды.'

"Я с удивлением указал на поле созревшей нивы.

" 'Да, — сказала она, — но мы ничего не получим из этого'." [13]

Можно ли после этого удивляться, что, как пишет Джон Фишер, "почти повсюду крестьяне проявляют неизлечимую тенденцию тратить больше времени и пота на своих собственных маленьких огородах, нежели на коллективных полях. Это бросается в глаза даже случайному посетителю: повсюду, куда я ни ездил на Украине, индивидуальные огороды были самой опрятной и наиболее тщательно обработанной частью коллективных ферм." [14]

Еще бы, ведь эти огороды являются главным источником существования, якорями спасения от голода . . .

В таких вот условиях подготовлялись урожаи 1945 и 1946 годов. Последний год был отмечен небывалой засухой и всероссийским голодом. Как же подготовляло московское правительство урожай 1947 года, на который возлагались все надежды?

ПОДГОТОВКА УРОЖАЯ 1947 ГОДА

Страна голодала все военные годы, а некоторые ее области голодали уже три года до войны. Послевоенный урожай 1945 года, как и следовало ожидать, был плохим. Надежды возлагались на урожай 1946 года. Они не оправдались. Страну постигла небывалая засуха, поразившая почти все плодородные земли. Получился всероссийский голод. А между тем само правительство страшно нуждалось в зерне. Оно нужно было для огромной бюрократической машины, для военной промышленности и для поддержки своей агрессивной империалистической политики, которая втянула его в непосильную бескровную войну с молодым империализмом Соединенных Штатов за преобладание в Европе и в Азии, в войну, которая разделила мир на два лагеря: лагерь капиталистической демократии и тотальной диктатуры.

Поэтому московское правительство, по установленной Лениным традиции, совершенно не считаясь с положением населения, требовало, как Шейлок, выполнения крестьянами государственных поставок.

Оно встретило сопротивление голодных крестьян и попустительство со стороны колхозной администрации, земельных и даже партийных органов. Учтя это, правительство, чтобы обеспечить свою долю в урожае 1947 года, решило не уступать, а организовать наступление на аграрном фронте и провести подготовку урожая в военном порядке с применением максимального давления на крестьян. С этой целью был организован специальный штаб: Совет по Колхозным Делам, проведена тщательная чистка администрации Машино-Тракторных Станций, колхозов, земельных и партийных органов. В ненадежные районы, области и республики были посланы опытные рабопогонщики. Наиболее ненадежной и наиболее пострадавшей от засухи была Украина, туда послали самого опытного рабопогонщика — Кагановича.

Государственные планировщики, которые еще раньше перебросили из деревни в тяжелую промышленность свыше двух миллионов рабочих, игнорируя жилищные, продовольственное и физическое состояние крестьянства, не считаясь с недостатком лошадей, сельско-хозяйственных машин, орудий и газолина, увеличили посевную площадь на 6,100,000 гектаров. Это огромное увеличение посевной площади при данных условиях было или сумасшествие, или сознательное издевательство над крестьянством. Несомненно, это было бы так, еслибы . . . еслибы правительство не заявило крестьянам, что государственные поставки в 1947 г. будут производиться не с количества засеянных гектаров, а с количества пахотной земли, находящейся в распоряжении колхоза.

Это распоряжение имело двойное значение: первое — крестьяне должны работать тяжелее, если не хотят поставлять государству с незасеянных гектаров; второе, и самое главное, — увеличение колхозных поставок, т. е. уменьшение крестьянской доли в урожае, понижение его заработной платы,

[12] John Fisher, pp. 119, 44.
[13] John L. Strohm, p. 60.
[14] John Fisher, p. 212.

потому что правительство хорошо понимало, что при данных условиях крестьянство не только не в состоянии обработать увеличенную посевную площадь, но и посевную площадь 1946 г., часть которой, несмотря на острую нужду в хлебе, осталась неубранной на Украине, как свидетельствует Джон Фишер.[15]

Затем правительство объявило, что семенные ссуды прекращаются и что, каков бы ни был урожай 1947 г., колхозы должны иметь в неприкосновенности свои семенные фонды: голодай, но семенной фонд сохраняй!

Ударная армия приведена в порядок, цели поставлены. Наступление началось лживой, всем надоевшей и набившей оскомину газетной пропагандой. Стали печататься письма к Сталину, которые текли потоком от Курильских островов и Сахалина до Минска и от Эривани до Мурманска. Свыше тридцати таких писем было опубликовано в марте и в апреле. Все они, как полагается, были переполнены клятвами "выполнить и перевыполнить" задания Госплана.

Это—клятвы рабопогонщиков выжать из крестьян все соки без остатка. А чтобы это соковыжимание действительно было энергичным, правительство решило заинтересовать низовых соковыжимателей материально. С этой целью оно 31 марта 47 г. опубликовало декрет о награждении орденами "Героя Социалистического Труда," "орденом Ленина" успешных бригадиров, председателей и других командиров и чиновников колхозов. Затем, по сообщению "Правды" от 23 апреля 1947, была продемонстрирована первая раздача орденов и медалей выдающимся работникам совхозов и колхозов Казахстана: было роздано 2,189 медалей и наград.

УБОРКА УРОЖАЯ

В мае месяце полетели в Москву восторженные отчеты об успешном выполнении посевной кампании, хотя "большая часть Украины и Белоруссии всё ещё не имели достаточного количества сельсько-хозяйственных машин и тракторов" (Н. И. Таймс," май 3, 47). В июне начали поступать такие же восторженные оценки урожая. На основании этих отчетов строились розовые надежды на рекордный урожай. В июле началась уборка. Правительство торопилось как можно скорее забрать свою долю. Чтобы ускорить уборку, министр земледелия И. А. Бенедиктов потребовал от колхозников прекратить двух-часовой перерыв на обед, работать тяжелее, не лодырничать и не приходить на работу по-фабричному, к восьми часам утра ("Ассошиэйтед Пресс," 19 июля 1947).

На крестьян немедленно нажали и в Москву полетели отчеты об успешном выполнении уборки и государственных поставок. Последнее — самое главное для правительства.

С какой энергией выколачивалось зерно у крестьян, можно судить по газетным отчетам. Из Киевской области до 1-го августа доставлено на 16,625 тонн зерна больше, чем в 1940 г. к этому же дню, ("Н. И. Таймс," август 10, 47). То же самое сообщалось, но без цифровых данных, из Полтавской и Харьковской областей. Агенство "Рейтера" 20-го сентября передало заявление "Тасса," что к середине сентября было убрано на 11 млн. акров зерновых больше, чем в это же время в прошлом году, и что многие районы уже выполнили государственные поставки." Александр Кендрик сообщал "Чикаго Сон" (окт. 13, 47), что "Украина сегодня отмечает самый успешный сельско-хозяйственный год в советской истории, сообщая о выполнении зерновой квоты на 100.3%." Каганович постарался! . . .

17-го августа на Украине и на Западе уборка была закончена и правительство спешно начало перебрасывать аэропланами тысячи трактористов и комбайнеров на уборку созревшего к этому времени урожая Урала и Сибири, "который, по всем данным, будет таким же богатым, как на Западе и Юго-западе" ("Н. И. Таймс," август 18, 47).

Наступление на сельско-хозяйственном фронте закончилось. Каковы же его результаты?

РАЗМЕР УРОЖАЯ 1947 ГОДА

Госплан 15-го октября вышел с итогами: общий урожай зерна в 1947 г. на 58% больше урожая 1946 голодного года и что к 5-му октября было убрано на 6,700,000 гектаров (16,500,000 акров) больше, чем в прошлом году в это же самое время ("Н. И. Таймс," окт. 17, 47). Помимо рекордного урожая зерновых, Госплан сообщил о рекордных урожаях сахарной свекловицы, табака, о невиданном урожае картофеля и об рекордном улове рыбной промышленности.

Радостно слышать эту приятную весть. Значит, после долголетней голодовки русский народ может отдохнуть.

---

[15] John Fisher, p. 225.

Но нас, однако, берет сомнение. Если урожай, "стихиям вопреки и наперекор законам," был рекордным, то зачем его прятать? Почему советская статистика пишется египетскими иероглифами? Сказать, что урожай 1947 года на 58% больше урожая 1946, не сказав цифры этого урожая, все равно, что ничего не сказать. Значит, здесь что-то есть, что-то "не тае," что-то плохое кроется в этом. Надо как-то расшифровать иероглифы советской статистики и узнать их подлинное значение, посмотреть, что за ними кроется. Но как это сделать?

"В Берлине официальная немецкая газета Советской Военной Администрации 'Тэглише Рундшау' заявила, что Советский Союз будет иметь в этом году 44 млн. тонн пшеницы" ("Н. И. Таймс," окт. 17, 47).

Это уже является, если не ключем, то отмычкой, которая дает возможность с приблизительной точностью прочитать статистические иероглифы большевистского правительства, которое все прячет от света и от чужого глаза.

В 1939 г. площадь под пшеницей была в 2.5 раза больше, чем под рожью и в три раза больше, чем под кормовыми злаками, к последним, по английскому обычаю, относятся: овес, ячмень, просо, гречиха и кукуруза. На основании исследования советских данных установлено, что средний урожай с гектара — 9.3 квинталов. Исходя из этих данных, мы находим, что урожай в 1947 г. был: 44 милн. тонн пшеницы, 17.6 милн. — ржи и 14.7 — кормовых злаков. Валовой сбор — 76.3 млн. тонн. Но так как советские статистики оценивают урожай на корню, не учитывая потерь при уборке и перевозке, которые, как правило, очень высоки, то мы должны понизить вычисленный нами урожай 1947 года, самое меньшее, на 10%. Стало быть, урожай 1947 г. может быть где-то вокруг 68.7 млн. тонн, т.е. немного **ниже валового сбора голодного 1931 года,** который равнялся 69.48 млн. тонн. Но в этом году население страны было 162 млн., а в 1947 г. около 195 млн. Следовательно, в 1931 году на голову приходилось 4.3 квинтала, а в 1947 г. только 3.5 квинтала. **Это даже ниже, чем в голодный 1924 год, когда на душу приходилось (514:132) 4 квинтала.**

Если урожай 1947 г. в 68.7 млн. тонн на 58% больше урожая 1946 г., отсюда мы заключаем, что урожай 1946 г. равен 43.5 млн. тонн, т.е. **он ниже урожая 1922 года,** в котором валовый урожай был 503.1 млн. квинталов и 3.8 на душу (503.1:132), тогда как подушное распределение в 1946 г. равнялось 2.2 квинталам. Официально было заявлено, что урожай 1946 г. "гораздо ниже" урожая 1945. Если мы оценим это "гораздо ниже" в 25%, что очень скромно, то мы получим валовый урожай 45 г. в 543.7 млн. квинталов, который вмещается между урожаями 1923 и голодного 1924 года. В 1945 г. на голову приходилось около 2.8 квинталов.

Читая это нужно помнить, что свыше одной трети урожая забирает государство в виде принудительной поставки по твердым ценам и в виде оплаты работы Машино-Тракторных Станций, плюс государственные налоги и отчисления в разные фонды, в конечном счете от урожая для распределения по трудодням остается только 27%.

Итак, всероссийский голод продолжается, правительство морит народ голодом.

Не может быть никакого сомнения, что официальная цифра 44 млн., на основании которой мы произвели расчет, значительно преувеличена. Она не могла быть достигнута, принимая во внимание описанное нами состояние сельского хозяйства. Вполне прав, во всяком случае, логичен Джон Фишер, который пишет: "Если даже выгнать на поля каждую корову, каждую лошадь и женщину и тогда невозможно было бы вспахать в 1946 г. более 70% нормальной украинской посевной площади и даже при этом некое количество акров осталось неубранным."

"Мое собственное предположение, после значительного изучения и разговоров с отдельными фермерами, — говорит Фишер, — Украинский урожай 1945 г. не мог быть больше 8-10 бушелей с акра (т.е. 7 квинталов с гектора—Г.М.) и что сбор с акра в 1946 г. (благодаря засухе), был гораздо ниже." [16]

Все, что Джон Фишер говорит об Украине, можно распространить на всю страну. Если в 1946 г. смогли кое-как вспахать и засеять 70% всей посевной площади 1940 г. в 101.2 млн. гектаров, т.е. 70 млн. гекторов, но не смогли убрать, то можно предположить, что в 1945 г. вспахали, засеяли и убрали 60 млн. гекторов и сняли урожай в 420 млн. квинталов. Если большевистское "гораздо ниже" равно 25%, то урожай 1946 г. был 315 млн. квинталов, а урожай 1947 г. — 497.7 млн. квинталов.

Но допустим, что в 1947 г. под страшным давлением и под свист кнута было вспахано, засеяно и убрано 70 млн. гектаров и что урожай дал нормальные 9.3 квинталов с гектора, тогда валовой сбор был 651 млн. квин-

[16] John Fisher, pp. 214, 217.

талов, значит, 350 млн. квинталов в 1946 и на 25% больше в 1945 г., т.е. 437.5 мил. квинталов.

Если из этих трех наших расчетов для 1947 г. мы выведем среднюю, то мы, пожалуй, будем ближе к действительности. Эта средняя — 651 млн. квинталов или 3.1 квинтала на голову. На основании этой средней урожай 1946 г. будет 386 млн. квинталов или 1.9 квинталов на голову, урожай 1945 г. будет на 25% больше, т.е. 437.5 млн. квинталов или 2.9 квинталов на голову. Таким образом, как ни высчитывай, эти три года становятся в рубрику голодных лет: 1920-1921, 1924, и 1931-32.

Да, всероссийский голод продолжается и в 1948 году. Больше того, этот голод обостряется советской внешней политикой, которая базируется главным образом на экспорте зерна и других видов провольствия.

В безнадежной борьбе с Соединенными Штатами кремлевские Наполеоны переходят всякие меры и границы, положенные экономическим и морально-политическим состоянием страны. Страна в бездне нищеты захлебывается горькою водою горя и вымирает от голода и непосильного труда, а между тем, — в интересах сохранения панславистской империи, расширения сферы влияния и, если возможно, для вящей славы кремлевских сидельцев, то и установления PAX Sovietica,— от нее отнимают хлеб насущный. Кремлевское правительство уже заключило договоры на поставку зерна с Чехословакией, Польшей, Румынией, Болгарией, Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией и Англией, в общей сложности на 2.5 млн. тонн. Пока прерваны переговоры с Францией и Италией, но заключены договоры с Бельгией и Люксембургом. При данном состоянии России, каждый вывезенный мешок зерна это труп колхозника, труп фабричного рабочего. Торговля зерном, при данных условиях, сознательный акт каннибализма.

Г. Максимов

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Перевод с английского **О. М.**—Продолжение

Дарвинизм и Капиталистическая Идеология

Представив "войну всех проти каждого," как естественный закон, Гексли развил взгляды Дарвина до крайных пределов и тем самым довел взгляды Мальтуса до логического конца. Именно эту концепцию Кропоткин и атаковал во **"Взаимной Помощи."** Он выступил на арену, как могущественный защитник идей, выдвинутых почти 100 лет до этого Годвином. Приводимые им доказательства так убедительны в их совокупном эффекте, что для тех, кто читал **"Взаимную Помощь"** и понял её социальные выводы, спор покажется решенным.

Мы видели, что теория Дарвина приветствовалась политико-экономистами Манчестерской Школы и что эти буржуазные экономисты выдвигали идеи Мальтуса для поддержки своих теорий. Характерная черта капиталистической экономики — массовая нищета среди потенциального, и даже действительного, довольства — уничтожила положение Мальтуса. В дополнение, работа антропологии подтвердила Кропоткинское опровержение концепций Гексли и показала, что идеи индивидуальной конкуренции, как "закон природы," не подтверждается фактами. Несмотря на всё это, идеи Кропоткина не являются ныне господствующими, хотя банкротство идеологии, которую он разрушил, становится ещё более очевидным.

Причину этого не приходится далеко искать. Хотя конкуренция между индивидуальными членами общества и не является "законом природы," но она определенно является законом капитализма и, конечно, всякого общества, разделенного на классы. Однако, как бы идеи Гексли и Мальтуса сильно ни расходились с фактами природы, они очень хорошо подходят для разбойничьего общества, которое ныне существует во всех развитых странах. Не удивительно поэтому, что они широко распространены. В условиях явно неотвратимого несчастья вполне естественно делать из необходимости добродетель, и угнетенный рабочий старается не менее, чем его капиталистический эксплоататор, утешить себя мыслью, что зло общества есть часть естественного порядка вещей. "Всегда были нищета и угнетение и всегда будут. Это закон человеческой природы." Как часто это говорится!

Большая ценность работы Кропоткина для нашего времени заключается в том, что он показал, что такая философия очень да-

лека от подлинного отражения реального явления, наблюдаемого в природе, и не поттверждается фактами. "Закон" все против каждого очень далек от того, чтобы быть правилом: он скорее редкое исключение в долгой истории человеческого общества. Наоборот, он является специальной характеристикой классовых обществ, как форма социальной организации, в которой многие управляются немногими. Нищету и борьбу, войны и недостатки, как правило, находят в правительственных обществах; они явно отсутствуют в тех обществах, которые соблюдают свободу и равенство. В таких обществах, как и в эволюции вообще, закон взаимной помощи, присущий всем социальным группам, допускает свободное развитие и является необходимым требованием прогресса.

"Война каждого против всех"

Теперь этот вопрос должен быть рассмотрен с большой подробностью. Томас Генри Гексли представил дарвинизм, как неограниченную конкуренцию всех против каждого, ведущую к искоренению всех индивидов, кроме тех, которые "наилучше приспособлены для выживания."

"...С точки зрения моралиста животный мир находится приблизительно на уровне гладиаторов, с которыми сравнительно хорошо обращаются и подготовляют к бою, в котором выживает, чтобы завтра опять сражаться, самый сильный, самый быстрый и самый искусный. Зрителю не было нужды опускать свой палец вниз, так как пощады не давалось..."

Дальше, в этой же работе, он заявляет, что всё, что имеет место среди животных, имеется и среди примитивных людей. Довольно примечательно, что в связи с этим он ссылается на английского философа Гоббса, книга которого "Ливиафан" была написана в целях защиты высоко централизованного государства в половине 17-го столетия, т. е. в годы, когда английский капиталистический класс вел борьбу за политическое господство, которое он вырвал от земельной аристократии и монархии во время революции 1642 года.

"...Слабейшие и глупейшие погибли, тогда как сильнейшие и хитрейшие, сумевшие лучше приспособиться к обстоятельствам, но не лучшие в другом отношении, выжили. Жизнь была непрерывной свободной борьбой и, за исключением ограниченных и временных отношений, гоббсовская война каждого против всех была нормальным состоянием жизни."

Чтобы доказать, на основании современного знания о жизни животных и людей, что это понимание очень далеко от совпадения с фактами природы, Кропоткин написал для "Девятнадцатого Века" ("The Naneteenth Century") ряд статей, из которых составил потом книгу "Взаимная Помощь." Взгляды Гексли, принятые капиталистами, явно были отличны от учения анархизма, тем не менее, Кропоткин не писал "Взаимную Помощь" только для того, чтобы оправдать анархические идеи в порядке простой полемики. Он никогда не позволял себе, во имя анархизма, делать пристрастный подбор фактов. В первой главе "Взаимной Помощи" он описывает наблюдения, сделанные им во время исследования Сибири вместе с Поляковым:

"Мы оба были под свежим впечатлением "Происхождения Видов" Дарвина, но я тщетно искал того обострения соперничества между животными одного и того же вида, к которому приготовило нас чтение работы Дарвина, даже приняв во внимание примечание в III главе этой работы." [1]

Кропоткин указывал, что среди животных отнюдь не всегда длиннейшие зубы и острейшие когти обеспечивали выживание видов. Наоборот, наиболее успешными являются те виды, в которых особи далеки от соревнования друг с другом, совершенно устраняют его и вместо этого соревнования объединяются в целях обеспечения пищи, для защиты против своих врагов или защиты молодняка во время сезона выращивания. Он показал, что даже среди хищных животных многие особи, как некоторые орлы, объединяются в целях охоты за пищей. С другой стороны, животные, члены которых плохо вооружены для нападения или защиты, побеждают своих более сильных врагов, объединяясь в группы. Эту тенденцию к организации групп для общественных целей он назвал взаимной помощью. Он показал, что применение этого принципа было гораздо более могущественным фактором для выживания, чем взаимная борьба. Книга Кропоткина в действительности является развитием и расширением взгляда русского биолога Кесслера, которого он цитирует в первой части:

"Я ведь не отрицаю борьбы за существование, но только утверждаю, что прогрессивному развитию, как всего животного царства, так специально человечества, не столько содействует взаимная борьба, сколько взаимная помощь... Всем органическим телам присущи две коренные потребности, — потребность питания и потребность размножения. Потребность в питании ведет их к борьбе за существование и к взаимному истреблению друг друга, а потребность в размножении ведет их к сближению между собою и к взаимной помощи друг другу. Но на развитие органического мира, на преобразование одних форм в другие оказывает едва-ли не более

[1] П. А. Кропоткин, "Взаимная Помощь," страница 20. Книгоиздательство "Голос Труда," Петроград-Москва, 1922.

влияния сближение между неделимыми одного и того же вида, нежели борьба между ними."

Современный писатель указал на этот же самый принцип в подлинной истории человеческого общества:

"Ранние члены человеческой семьи... ископаемые гоминиды, которые часто называются палеантропами, не были нашими прямыми эволюционными предками. В родословной Homo Sapiens (человек) они представляют боковые ветви, отходящие от главного ствола. А между тем их тела были лучше снабжены, чем наши, для таких физических функций, как борьба, например, клыки эоантропуса или Пильтдаунского человека были могущественным оружием." [2]

Как же в таком случае мог выжить Homo Sapiens, когда пещерный медведь и тигр с саблеобразными зубами исчезли? Эти животные были довольно хорошо вооружены для "войны каждого против всех," но они полагались только на самих себя. Люди жили обществами и практиковали взаимную поддержку. Они пользовались взаимной защитой и научились дополнять свое личное физическое вооружение орудиями.

Взаимная Помощь Означает Общественную Жизнь

Ясно, идея взаимной помощи, как могучий фактор, обеспечивающий эволюционное выживание, должна означать, что люди всегда жили обществами, потому что, еслибы они жили в одиночку, они никогда не могли бы выжить в условиях, в которых вымерли животные, одаренные лучшим вооружением. Чтобы выжить, они всегда должны были быть общественными существами. Большую часть своей книги Кропоткин посвятил доказательству, что жизнь обществами широко распространена среди животных и что это отнюдь не является чисто человеческим приобретением. Работа Льюса Моргана (ныне хорошо известная благодаря брошюре Фридриха Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства," которая основана на книге Моргана "Древнее Общество") показала, что родовые социальные объединения могут быть прослежены повсюду, как формы, предшествовавшие обществам, в которых **семья** является преобладающим объединением. Среди других исследователей, который установил первенство родов над семьями, был Эли Реклю,[3] брат географа Элизе Реклю. Научные исследования привели его к анархическим убеждениям.

Вопрос рода и семьи важен, потому что обычно думали, что в первобытные времена люди бродили небольшими взаимно враждебными группами, объединенными только "семейной связью." Дети всё ещё обучаются невежественными учителями, что люди из первобытной дикости, когда внутренняя борьба была правилом, прогрессировали к национальным обществам, в которых "мир" (!) является благословенным состоянием человеческой расы. Нет надобности указывать, как подходит этот взгляд к философии капитализма и к реформаторам постепеновцам. Хотя такое учение совсем не подтверждается фактами наблюдения и исследования, (еслибы это было действительным условием существования первобытных людей, то человек никак не мог бы выжить), тем не менее оно является господствующим до сего дня. Чтобы принять капиталистическое общество, нужно рассматривать природу, как это делал Гексли с гоббсовской "войной каждого против всех," как "нормальное условие существования."

Распространение этого совершенно ложного и политически предвзятого взгляда не в малой степени обязано популярным научным писателям, которые взяли на себя задачу снабдить капиталистическую философию некоторого рода "научной" санкцией. Так, например, H. G. Wells в своей популярной и очень широко читаемой "Краткой Истории Мира" [4] утверждает, что "настоящие" (кроманьоны) люди "вытеснили неандертальского человека успешной конкуренцией за пищу; они, вероятно, вели войну против своих страшных предшественников и перебили их" (ст. 31).

В этом коротком параграфе Уэллс вставил три предположения, которые совершенно не имеют доказательств. 1) Настоящие люди вытеснили неандертальских людей в результате усиленной конкуренции за то же самое продовольствие. Таким образом выдвигается предположение, что продовольствие было ограничено и не могло прокормить существовавшее население. Это ещё раз идея Мальтуса. 2) Люди вели войну с неандертальцами. 3) Неандертальцы были "страшными," т. е. предполагается, что они были дикарями и предавались страшной практике. До сих пор нет никаких данных, которые подтверджали бы эти развязные утверждения. Во всех этих утверждениях лежит скрытая идея внутренней борьбы, для дока-

[2] V. Gordon Childe, "Man Makes Himself," 1936.

[3] Elie Reclus, "Primitive Folk."

[4] Распространяется в большом количестве в дешевых изданиях рационалистов и социалистов, а также в издании "Пингвин."

зательства которой наблюдение не дает никаких данных. Ясно, конечно, что для Уэллса допущение борьбы людей между собою является основой для разрисовки картины доисторической человеческой жизни. Такое понимание позднее снова появляется, когда он заявляет:

"Вероятно ранние человеческие общества в начальной стадии подлинной человеческой истории были малыми семейными группами. Как стада и табуны ранних млекопитающихся образовались из семейств, которые оставались вместе и размножались, так делали и ранние роды, племена. Но прежде чем это могло случиться, должно было установиться некоторое ограничение примитивного эгоизма личности."

Мы видели, что это противоречит фактам социального развития родов и семейств. Последняя фраза Уэллса примечательна, потому что этот аргумент сделан для оправдания говерментализма (правительственной системы) и принудительной власти. Кропоткин разрушил этот взгляд в своей книге, его аргументы мы приведем позднее.

Уэллс продолжает говорить о страхе, ревности и уважении, которые внушены "патриархом," управляющим семьей в согласии с этими необоснованными предположениями. Подобный же взгляд на раннее общество был принят Сигмундом Фрейдом в его книге "Тотем и Табу," в которой он также говорит с такой положительностью о "первичных ордах," как будто для этого имелись достаточно солидные данные.[5]

Когда Кропоткин писал, что моногамия (парная) семья вырастала постепенно из группового брака, в котором половая деятельность носила вполне коммунистический и смешанный характер, среди многих других это утверждение было доказано Морганом. Семейная организация, таким образом, была скорее поздним, а не ранним развитием человеческой общественной жизни.

Джон Хьютсон.

(Окончание следует)

[5] Фрейд взял свою идею о "примитивных ордах" из весьма спекулятивной книги г-на J. J. Atkinson, "Primal Law," 1903.

"Коммуна XIX века не повторит старых ошибок. Она будет не только коммуналистической но и коммунистической. Она произведет полный переворот как в политике, так и вопросах производства и обмена. Коммуна будущего не будет разрушать государства, чтоб сейчас же восстановить его; она положит конец представительному правительству и не передаст своих прав случайно избранным."— Кропоткин.

ПОЧЕМУ Я АНАРХИСТКА

В результате сравнения условий, событий и людей, имея возможность видеть за работой наших честных друзей Коммуны, как они, боясь быть жестокими, были энергичными только для того, чтобы жертвовать своими жизнями, я быстро пришла к убеждению, что честные люди во власти будут также неспособны, как бесчестные вредны и что для свободы невозможно быть даже в союзе с какой бы бы то ни было властью.

Я чувствовала, что революция, которая приняла бы какую-либо правительственную форму, была бы просто обманом и никогда не открыла бы дверей прогрессу; что учреждения прошлого, которые, казалось, должны были исчезнуть, остались бы под измененными названиями; что все, соединенное старым миром цепями и потому похожее на монолит, обречено на полное исчезновение, чтобы дать место новому миру, счастливому и свободному под небом.

Я видела, что законы притяжения, которые извечно управляют движением бесчисленных миров к новым солнцам, лежащим между двумя вечностями: прошлого и настоящего, должны также управлять и судьбами существ в извечном прогрессе, ведущем их к истинному и вечно-процветающему идеалу. Я, следовательно, анархистка, потому что одна анархия создаст счастье человечеству и потому что наивысший идеал, который может быть понят человеческим умом, есть анархия.

Одна анархия может сделать человека сознательным, потому что она одна делает его свободным. Она, таким образом, будет полным разделом между стадами рабов и человечеством.

Для всякого человека, который достигает власти, государство — это он сам; он рассматривает его, как собака кость, которую она гложет, и поэтому он защищает его для самого себя.

Если власть делает человека свирепым, эгоистичным и жестоким, а рабство унижает его, тогда анархия будет означать конец ужасающей нищеты, в которой всегда стенала человеческая раса. Она одна не будет означать возвращения страданий и все более и более будет привлекать к себе сердца, закаленные для борьбы за справедливость и истину.

Человечество хочет жить и оно, вовлеченное в отчаянную борьбу, чтобы выбраться из пропасти, будет склоняться к анархии. Это тяжелый подъем на крутую скалу; все

другие идеи подобны катящимся камням и пучкам травы, вырванной с корнем, при более глубоком падении, чем раньше. Нужно бороться не только с мужеством, но и с логикой и теперь наступило время, когда подлинный идеал, более великий и более красивый, чем все предшествовавшие ему фикции, должен показать себя в таком величии, чтобы обездоленные массы больше не окрашивали своею кровью обманные мечты.

Вот почему я анархистка.

Луиза Мишель

("Le Libertair," Jan. 8, 1948)

К РАБОЧЕМУ КЛАССУ ВСЕХ СТРАН

Призыв к Борьбе за Свободу

Пока господствует капитализм, в мире не может быть никакого мира и никакой свободы. Государственный капитализм, уже завоевавший фальшивой этикеткой социализма большую часть мира и продолжающий расширяться, как и частный капитализм, который он вытесняет, ни в коем случае не является миролюбивым — скорее наоборт.

Ныне мир разделился на два блока, всеми силами подготовляющие новую ужасную атомную войну, которая грозит гибелью человечеству и культуре.

Пока существуют государства и правительственные системы, также не может быть никакого мира и никакой свободы, потому что эти авторитарные системы, где власть принадлежит большей или меньшей шайке гэнгстеров, вовлекут народы в новую войну. Принцип авторитарного господства означает отрицание свободы и эксплоатацию государственным и частным капитализмом. Этот принцип — враг культуры и мира.

Ныне Восток и Запад стоят друг против друга, готовые схватить друг друга за горло. Большевицкий блок, с центром в Москве, стремится, при помощи своих пятых колонн, завоевать всю Европу, а Западный блок, группирующийся вокруг Вашингтона и Волл Стрит, в целях защиты, готовится мобилизовать все свои рессурсы.

Москва пытается привлечь на свою сторону пролетарские массы, она усыпляет их, она выдаёт себя за освободительницу рабочего класса, тогда как восточная Европа порабощена, находится под контролем Москвы и там с помощью однопартийной системы и открытого террора задушены все свободы. Америка в свою очередь стремится привлечь симпатии масс на свою сторону, выдавая себя за знаменоносца свободы и демократии, несмотря на то, что в это же самое время она финансирует кровавый монархический фашизм в Греции и благодаря этому удлиняет жизнь давно проклятого народом режима Франко в Испании. Лицемерие процветает с обоих сторон. Цель всех властей — порабощение народов.

Конечно, неполная демократия при всех условиях предпочтительнее полного деспотизма. При системе неполной демократии рабочий, по меньшей мере, может организовываться и бороться за свои идеи, что при деспотической системе является полной невозможностью. Но целью рабочего класса должно быть — преодоление и ликвидация обоих систем и установление свободного общественного порядка.

Государственно-правительственная система, в соединении с современным национализмом и его соперничеством, доказывает, что она не может дать человечеству мир и свободу. В течение двух десятилетий эта система дала нам две мировых войны, а третья подготовляется полным ходом. Эта система не только неспособна, но она всё время является угрозой прогрессу. Она угроза самой жизни. Или человечество со всей своей энергией должно стремиться устранить эту систему, или оно погибнет. Место этой системы должен занять федеративный порядок, основанный на интернациональной солидарности и местном самоуправлении. Исторически необходимая борьба против капитализма и государственной власти есть задача рабочего класса и всех сторонников свободы. В тяжелых условиях, в которых мы ныне находимся, рабочий класс расколот пополам: одна половина думает, что спасение в "диктатуре пролетариата," переделанной ныне в "народную демократию," а другая половина знает, что царство свободы не может быть установлено путем государственного рабства и что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Этот раскол рабочего класса должен быть записан на текущий счёт большевизма. Не может быть никакого единства и никакого классового общения с направлением, которое стремится путем завоевания власти сделать себя самодержавным и поработить другую часть рабочего класса и другие направления. Свобода выходит из единства. Свободный социализм не может иметь никакого сообщества с диктатурой, разрушающей свободу. По его мнению, и это его неотложная задача, пролетарские массы должны низвергнуть госу-

дарственный тоталитаризм и осуществить идеалы свободы, равенства и братства.

Друзья свободы не должны приходить в отчаяние при виде торжествующей ныне реакции в форме большевицко-империалистической диктатуры и жадного до прибылей частно-капиталистического империализма, которые оба вместе толкают мир к войне и гибели. Превратить это развитие в победу свободы и в ниспровержение деспотизма — задача, которая с железной необходимостью стоит перед нами, перед всеми свободолюбивыми людьми и социалистами, как заповедь.

Как знаменоносцы свободного социализма, революционные синдикалисты всех стран в этой борьбе должны стоять в самых первых рядах.

Международное Товарищество Рабочих

За Секретариат **Джон Андерсон**

Стокгольм, Апрель. 1948 г.

СУДЬБА ЧЕШСКОЙ ПАРТИЗАНКИ

(Перевод с чешского. Документальное показание.)

История чешской патриотки и националистки, активно боровшейся с оружием в руках за освобождение Чехословакии от немецкого протектората, и постигшая ее "награда" от собственного "народа" и от советской оккупационной армии.

Был 1942 год. Страх перед немецкими концентрационными лагерями и ужасами войны захватил мир . . . 2 февраля 1942 года, в морозный зимний день я была арестована немецким Гестапо и через 10 дней, без суда, после 3 страшных продолжительных допросов, отправлена в известный концентрационный лагерь в Аушвице.

Мой арест Гестапо и заключение в концентрационный лагерь были произведены на основании обвинения меня в шпионаже в пользу советской армии и подозрения во враждебном отношении к немецкому национальному социализму, так как, несмотря на то, что я была замужем за немцем, я отказалась принять немецкое подданство и не хотела посылать своего сына в немецкую школу.

Ныне я могу сказать, что все вышеприведенные обвинения, предъявленные мне Гестапо, были правильны, и, как мой арест, так и заключение в концлагерь, имели основания с немецкой точки зрения, конечно, потому что идейно я всегда была противницей войны и национал-социализма и фактически активно боролась против него.

О том, что голод, лишение, грязь, вши, и, главным образом, побои и издевательства были моим уделом в концлагере, распространяться не буду, так как об этом уже известно всему миру, из различных судебных процессов над немцами.

Это были ужасные 16 месяцев, которые, казалось, были самыми страшными днями моей жизни, но это была, увы, страшная ошибка, ибо будущее показало, что могут быть еще более ужасные переживания, чем немецкие концентрационные лагеря, или же, в крайнем случае, им равнозначные.

В июле 1943 года моему мужу, как немцу, удалось подкупить одного Эс-Эс-мана, который устроил мой побег, и я бежала из концлагеря.

Но куда дальше? Домой возвращаться я не смела. И тогда я решила бежать дальше на восток, к нашим братьям славянам, русским, в расположение советских армий.

Русскими я была очень хорошо принята, получила 6-недельный отдых, а затем, после кратковременного 4-недельнего воинского обучения, я, вместе с небольшой группой чехов, была сброшена в одну прекрасную ночь на парашутах с советских самолетов у Львова, для партизанских действий в тылу немецких армий.

Таким образом началась моя военная карьера, как воина-партизана против немцев за освобождение моей родной Чехословакии от их гнета. Я, действительно, была воином-патриотом, а не бандиткой, так как мы всегда дрались честными методами вооруженной борьбы, хотя и были в составе партизанских, а не регулярных воинских отрядов.

Мы, чешские партизаны, бились за честь и свободу нашей родины, а не ради личных корыстных целей, не ради грабежа и наживы.

В начале 1945 года я получила известие из родных краев, что двое моих детей опасно заболели. Так как у нас была прекрасно налажена информационная и персональная связь со всей Чехословакией, и, главным образом, с Прагой, я немедленно поспешила

увидеть своих детей . . . В ту ночь, когда я находилась у постели моего больного сына, старший мальчик говорил мне:

"Правда ли, мама, что ты солдатом стала? Не бойся, я тебя не выдам и на тебя не донесу (на ночном столике лежал мой револьвер, патроны, нож). Ты снова добьешься в Прагу, а когда ты будешь здесь, немецкие солдаты удерут и я не должен буду посещать немецкую школу и кричать: 'Гейль Гитлер.' Папа говорит мне, что, когда Ты снова будешь с нами и сможешь снова спокойно с нами жить, немецких солдат тогда уже больше не будет и я смогу спокойно петь те чешские песенки, которым ты меня научила . . ."

Бедняжка верил своей маме, что вместе со многими другими чешскими патриотами, она отвоюет ему свободу, что он будет свободным и независимым, как весь чешский народ, а между тем в книге судеб была предначертана для него и тысяч иных чешских истинных сынов своей родины и честных патриотов ужасная будущность и страшный жребий жертв человеческого зверства и жестокости.

Возвратившись в свою партизанскую часть, я узнала, что за самовольную отлучку меня приговорили к вышей мере наказания — к смерти. В эту ночь наш отряд имел очень тяжелый бой с частями Эс-Эс-манов, которые уже чувствовали свой близкий конец и полное поражение Германии и упорно хотели спасти еще то, что можно было спасти, — свои жизни и свободу.

Чешские партизаны в свою очередь дрались, как львы, и, поэтому, бой отличался страшным упорством и жестокостью. Зная висевший надо мной страшный приговор, я уже не обращала внимания на опасности и своей смелостью и отвагой спасла жизнь 40 товарищей и свою собственную.

Мое нарушение воинской дисциплины было мне прощено, ввиду моих воинских заслуг во время ночного боя, и в виду облегчающих вину обстоятельств, так как было проверено, что мои дети были больны и я, действительно, была у них . . . Мы воевали дальше. Дрались не на жизнь, а на смерть за свою отчизну, за счастье наших детей, за свободу чешского народа, за независимость и честь Чехословакии. Наша отвага, пролитая чешская кровь и геройская смерть на поле брани тысяч наших чешских товарищей помогли окончательной победе союзников.

Настал май 1945 года. Конец войны. 6-го мая 1945 года мы подошли к Праге. В эту ночь я пробралась в Прагу. Баррикады, трупы, кровь, уличные бои — последняя фаза боев за освобождение Праги от немцев. Прага в руках наших, Чехословакия окончательно освобождена от немцев. Чехия для чехов.

Но надолго ли? На несколько часов.

Пришла Красная Армия и снова настал конец свободе, независимости под властью нового порабощения, новых произволов и насилий над чешским народом.

Мой муж — по происхождению немец — ярый противник Гитлера и нацизма и больший чешский патриот, чем многие настоящие чехи по крови, был арестован и с ним мои дети. Я в военной форме, с оружием, в крови и пороховом дыму, после только что утихших последних боев на улицах Праги, шла с ними, чтобы их освободить и защитить. С автоматическим карабином, револьвером и последними шестью ручными гранатами я сопровождала своего мужа и своих детей в советскую тюрьму.

Там меня насильно обезоружили и посадили под замок.

Совершенно неожиданно через два часа ко мне пустили моих детей. Но, Боже праведный, в каком состоянии! Сплошная кровь от ран, нанесенных побоями. Дети в возрасте 6-8 лет! Разве они могут нести ответственность за то, что их отцом является немец по происхождению? Разве они виноваты в том, что в Германии пришел к власти Гитлер? Разве они несут ответственность за национал-социалистические ужасы концлагерей, и, наконец, разве это их преступление, что Чехословакия на Мюнхенском совещании была отдана под немецкий протекторат?

Но, даже если отцом был немец по рождению, этот человек был таким же, если еще не большим врагом национал-социализма, как и чешские патриоты. За что же бить маленьких детей? Во имя чего эта жестокость?

Мужа я видела последний раз в моей жизни, когда его отводили в тюрьму. Моих детей снова хотели бить, но я прикрыла их своим телом и предназначавшиеся для них ружейные приклады упали на меня. Результат: два поломанных ребра на правой стороне груди. Меня перевели в тюремную камеру, предназначенную для трех арестованных, но где было набито 52 человека, в том числе женщины и дети.

Уличная чернь Праги и "красная гвардия" арестовывала не только немцев, но и чехов, которые им были не по нраву, или же открыто выражали свое порицание безсмысленным зверствам и жестокостям, которые чинились над немецкими стариками, женщинами и детьми. Овладевшая Прагой "улица" убивала, грабила и неистовствовала в грабежах и насилиях . . .

Три дня держали нас без всякой пищи и даже не давали нам воды. Многие падали в обморок, теряли от голода сознание и мучились жаждою. К счастью для моих детей я имела еще с фронта в своей форме — "железный паек" шеколада и сухарей, которые я делила между обоими детьми.

На четвертый день шесть человек из нашей камеры, и я в том числе, пошли добровольно на работы в Рузинь на аэродром. Вечером я получила хлеб и для своих детей за свою работу. Когда нас привели обратно в тюрьму, надзирательница хотела отнять у меня весь хлеб, как неразрешеный иметь арестованным, но советский солдат, нас конвоировавший, сказал, что этот хлеб причитается нам за нашу работу и хлеб нам оставили.

Через полчаса в камеру снова пришла надзирательница и требовала отдать ей хлеб, но хлеб уже был съеден, а остатки спрятаны и, поэтому, мы ей ничего не дали. Взбешенная надзирательница крикнула нам: "За это вы поплатитесь!" и вышла из камеры.

В полночь все шестеро нас были переведены в подвал, где, в продолжении нескольких часов, нас били палками с колючей проволокой на концах, а после этой экзекуции наши раны поливали горячей водой с солью . . . Ужасные крики и стоны от этих неслыханных среди людей мучений оглашали целую ночь подвал.

Две женщины остались лежать мертвыми на полу, две умерли через два дня, а я и украинка М. А., выдержали . . . В камере вторая надзирательница, которая была бессильна воспрепятствовать проведению этой зверской экзекуции, оказала нам первую помощ, а на другой день нас обоих снова послала на работы . . .

Работать, мы, конечно, не могли и советские солдаты оказали нам первую врачебную помощь. Так как М. А. служила в советской тайной полиции, которая уже два года работала в Праге, то она рассказала об всем советскому офицеру.

Тюремная надзирательница, совершившая над нами экзекуцию была в тот же день арестована и расстреляна советскими солдатами. Мне было обещано расследование и освобождение. Но этого не случилось. Я была отправлена вместе с детьми в концлагерь Терезин, где, во времена немецкого протектората был концлагерь для арестованных немцами чехов-патриотов и врагов немцев. Советские военные органы посадили туда же и меня, чешскую патриотку, свою же чешско-советскую партизанку, дравшуюся на стороне советских армий.

Через шесть недель там умер мой младший сын.

Снова голод, лишения, грязь, вши и страшные побои, как и в 1942 году в нацистском концлагере. Но теперь это болело гораздо сильнее, так как били не немецкие нацисты, а собственные же кровные чехи. Это была моя награда за то, что я вытерпела муки в немецких концлагерях, за то, что я дралась, рискуя ежеминутно своей жизнью, за свободу нашего чешского народа, за независимость нашей дорогой родины — Чехословакии. Била и истязала своя же чешская кровь, свою же гражданку и патриотку.

В нашем лагере умирало гораздо больше людей, чем раньше в немецком лагере, где я сидела. Работа была очень тяжелая, тяжелее чем в нацистском Аушвице.

15-го сентября 1945 года мой старший сын, в числе многих других детей арестованных женщин, был выброшен из окна второго этажа на двор. В то время, как остальные дети умерли на месте, мой сын продолжал еще жить, несмотря на то, что получил потрясение мозга, полом обоих рук в трех местах и три полома правой ноги.

После страшных пререканий с чехами, вплоть до драки, я, с умирающим сыном была переведена в больницу. Отсюда нелегальным путем мне удалось известить своих боевых товарищей по партизанской войне о своей судьбе.

Под угрозой применения вооруженной силы, мои партизаны принудили чешскую администрацию и охрану Терезинского концентрационного лагеря выпустить меня с сыном на свободу и я вернулась в Прагу.

До марта 1946 года я лечила частным образом свое дитя и спасала его от смерти. Мой муж, как я узнала, был депортирован советами в СССР и до настоящего времени я не знаю о его судьбе: жив ли еще он или уже разделил судьбу миллионов жертв большевизма?

Все мое имущество было разграблено. Что не успели сделать немцы, то докончивали "свои."

В конце концов, в апреле 1946 года, через

своего адвоката я была восстановлена во всех правах, как честная чешская патриотка и активная участница чешского движения за самостоятельность Чехии и за свободу чешского народа. Одновременно мне было разрешено управление бывшим моим имуществом: 2 фабрики, большой дом в Праге и загородная вилла. Казалось, что после долгих несправедливых мучений и преследований пришло законное возмездие и признание права на жизнь и свободу. Но увы, разочарование пришло очень скоро, а с ним и последний удар.

Уже 18-го апреля, почти через две недели, я была снова арестована. Все мои документы, свидетельства и личные бумаги от меня были отняты, удостоверения личности и о воинской службе у меня были просто украдены чешскими коммунистами, производившими арест.

Но на этот раз мне удалось бежать из под ареста в тот же день, а затем, через несколько дней, пробраться в американскую оккупационную зону.

Уже в 1945 году многие честные чешские патриоты видели, что ни Чехословакия, ни чешский народ не освободились от чужеземного гнета, а только переменился хозяин: вместо немецкого нацизма чешский народ попал в кабалу к большевистскому коммунизму. Как свои же чехи служили у немцев, так свои же чехи работали по приказанию большевиков.

Это сознавали и многие партизаны, которым этот факт был еще больнее, так как их кровь проливалась совершенно зря: не за свободу родины, а за передачу ее порабощения в другие руки. Наиболее эненергичные из них решили бросить родину и искать свою судьбу в иностранных легионах. На этом основании у чешских партизан, недовольных большевистской оккупацией Чехии, была организована связь с западными оккупационными зонами Германии. Это меня спасло от смерти в концлагерях Сибири, куда меня, несомненно, отправили бы на этот раз вслед за моим мужем.

Мои ранения до сих пор еще, через два года, дают сильно себя чувствовать и в любой момент, перед любым судом могут доказать правдивость моих страданий, причиненных мне, урожденной чешке, безкомпромиссной патриотке и борцу за свободу Чехии, уже не нацистскими концлагерями, а нашими "братьями-славянами," русскими и чехами.

"Благодарность" за мое служение родине, равно как "справедливое признание моих военных заслуг" со стороны наших союзников—"русских братьев"—до сих пор ношу на своем теле: на груди ранение 4 см шириной и 32 см длиной, на обоих плечах язвы шириной 1 см и длиной 2-3 см. На правом боку ранение 8 см, на левой ноге раны 3 см и 2 см.

Я вполне сознаю, что мое настоящее признание не носит исчерпывающего характера и не обладает точностью и последовательностью: отсутствует много точных цифр и дат. Но я лишена возможности написать полную правду, так как до сих пор в Чехословакии еще неходится мой ребенок и старуха мать . . .

Страх за их судьбу заставляет меня пока молчать, надеюсь не надолго . . .

Я чешка, честная патриотка и националистка, каждый день я молю Господа Бога, что бы он освободил мою родину от большевицкого порабощения . . .

"Власти здар" (Да здравствует родина)!

Лейтенант **М. К.**

Призыв к Солидарности

(МТР). Подсекретариат МТР для Западной Европы выпустил крайне нужный призыв в защиту жертв большевизма в Болгарии, в котором говорится, что болгарский народ, проведший большую часть своей истории в борьбе за свободу, ныне, несмотря на большевицкий террор, продолжает эту борьбу. В Болгарии все, кто против ком-диктатуры, преследуются и убиваются в порядке духовных и физических пыток. И это происходит в обстановке полного безучастия со стороны так называемых социалистических правительств, со стороны интеллигенции, со стороны рабочих представителей в Профсоюзном Интернационале, продолжающих совместно работать с палачами своих братьев. Это молчание всего мира означает, что вина за происходящее в Болгарии падает и на него. Это преступление против человечества! Мы не хотим, чтобы Болгария в её борьбе за свободу погибла, как другие малые народы, без голоса протеста МТР против этого преступления. Призыв заканчивается следующим напоминанием:

Мы должны сделать всё возможное, чтобы помочь нашим болгарским товарищам.

Болгарские товарищи нуждаются в экономической помощи: в одежде, обуви, медикаментах и больше всего в пенисилине и других концентрированных продуктах. Направляйте всё на имя Бернарда Пу по адресу:

Bernard Pou, Restaurant Puvrier,
12 Rue Massaryk, Lyon, France.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ФРАНЦИЯ

Памяти Луизы Мишель

На первой странице газеты "Либертер" от 2 и 8 января 1948 г. крупным шрифтом сообщалось: "Памяти Луизы Мишель, основательницы 'Либертер.' Политики хотят присвоить себе нашу Луизу. В воскресенье, 11 января, на кладбище Левалуа наши товарищи вспомнят о великих этапах её жизни. Один из её старых товарищей по борьбе будет среди нас."

Около двух часов дня у метро имени Луизы Мишель в Париже и на прилегающей к нему улице того же названия начали собираться анархисты и сочувствующие. Многолюдное метро — удачное место сбора. Ровно в 2 часа дня прибыли товарищи с литературой и двумя большими белыми плакатами. На одном из них крупными черными буквами значилось: "Федерация Анархистов. Власть — проклятие, вот почему я — анархистка. Луиза Мишель," а на другом: "Федерация Анархистов. Свободный коммунизм через социальную революцию." Вывесив плакаты, они начали распространять литературу, в том числе газету "Либертер" и книгу Ф. Планше: "Пламенная и неустрашимая жизнь Луизы Мишель." Молодые товарищи звонкими голосами выкрикивали название книг и брошюр, подчеркивая, что это издания Федерации Анархистов. Публика охотно покупала литературу и вступала в беседу с ними, желая получить те или иные разъяснения. Одновременно молодежь раздавала маленькие зеленые листовки следующего содержания: "Федерация Юных Анархистов. 145 Quai de Valny, Paris. Капитализм — эксплоатация из-за выгоды. Религия — эксплоатация из-за невежества. Государство — эксплоатация насисилем. Военная подготовка — гитлеровская молодёжь." Вот и всё. Мало слов, но много мыслей.

В 3 часа дня свыше 1.000 человек направились с развернутыми знаменами к могиле Луизы Мишель, писательницы и поэтессы, пропагандистки и борца за идеи анархизма, чтобы почтить память в 43 годовщину её смерти. Могучие звуки "Интернационала" сменяются скорбной мелодией "Черного Знамени." В промежутки между пением молодежь выкрикивает: "генералов — в подвалы," "депутатов — на фабрики," "фабрики — рабочим," "да здравствует Международная Федерация Анархистов!"

Из раскрытых окон выглядывают люди, сочувственно кивают головами и машут руками и платками. Сопровождаемые сочувствием населения, манифестанты приходят на кладбище Левалуа — к могиле доброй Луизы. У подножья могильного склепа, художественно сооруженного из мрамора, — красивые декоративные зеленые листья. Бронзовый бюст Луизы Мишель возвышается над четырьмя поэтически сложенными книгами. На бюсте у мраморной стены выгравирована дата рождения и смерти: "29/V 1830—9/I 1905. Героическому борцу Парижской Коммуны — Луизе Мишель." На плите выгравирован небольшой отрывок из прелестного стихотворения Луизы: "Привет пробужденью народа и тем, что пали в борьбе, открыв так широко врата будущего..."

Первым говорил т. Ф. Планше, автор замечательной книги о Луизе Мишель с трогательным посвящением: "дружбе двух людей, более сильной, чем дружба двух братьев" и чтобы "книга помогла смягчить тоску земли изгнания, чтобы человек не пожалел, что он остался . . . человеком."

"Всё благородное, великое и справедливое было в ней, — начала свою речь т. Планше. — Она олицетворяла собою мужество, доброту, жертвенность и бескорыстность. Её жизнь была отдана за жизни скромных и обездоленных, которые умерли от нищеты или пали в повседневной борьбе на поле битвы труда.

"Современные ей власти преследовали её клеветой и заставили её пережить тысячи страданий. Изгнание, каторга, тюрьма была её жребием.

"Неукротимая, она продолжала свою апостольскую работу до последнего вздоха. Во всех социальных битвах и всюду она возносила анархические мысли до их величайших вершин.

"Ей, умершей на боевом посту, рабочий Париж устроил такие похороны, каких никогда не имел ни один король, ни один император. Весь народ Парижа, вышел проводить её в последнее жилище.

"Сорок лет ее прах покоится под скромным камнем этого кладбища, но память о ней жила среди нас и мы распространяли принципы, которые были символом её жизни.

"Уже 3 года, как новые богачи 'революции' решили воздвигнуть ей роскошную могилу, оплаченную общественными деньгами. Это было оскорблением для доброй Луизы, которая требовала для себя похорон бедных, без цветов, без венков, и простой камень вместо мавзолея. У них глупость спорит с ужасным извращением, когда они претендовали, что имеют право эксплоатировать мертвую и приходили шумными манифестациями 'чествовать' ту, которую их духовные отцы в течение всей её жизни лишь грязнили и преследовали.

"Мы собрались сегодня здесь не только для экзальтированного почтения доброй Луизы-анархистки, но, как её сыновья, и для того, чтобы протестовать против тех, кто похищает мертвых. Пусть они стерегут своих мертвых. Мы им не завидуем. Но пусть они не ищут и не присваивают наших, чтобы позолотить своё грязное и красное от крови знамя. Мы защищаем и мы пропогандируем принципы освобождения человечества от всяких притеснений, дабы оно излучало любовь и справедливость на народы всего мира."

Затем говорил больной старик, рабочий Пулен, один из соратников Луизы Мишель по борьбе. Он вспомнил, как во дни юности он пришел с одним поручением к боевой и доброй Луизе и как она не только напоила его горячим кофе, но и дала много сердечной доброты. Он был молод, надо было отбывать военную службу, чего он не мог сделать по своим убеждениям. Он бежал в Англию. Когда вернулся, доброй Луизы он уже не застал.

От могилы Луизы Мишель я прохожу несколько улиц и прихожу к памятнику Луизы Мишель работы скульптора Деррэ. Памятник хорошо передает доброту Луизы, познавшей нужду и тюрьму. Она изображена во весь рост, обняв рукой девочку-пролетарку. У ног Луизы жмется кошка . . . **А.Ш.**

Преследование газеты "Либертэр"

5 февраля "Либертэр" довел до сведения своих читателей, что военное министерство привлекает его к суду за статью "Военная Подготовка." Автор статьи и редактор газеты, тт. Жуе и Мартен, должны явиться в суд 17 февраля. "Либертэр" призывал своих читателей энергично протестовать перед председателем судебной палаты. Суд состоялся и редактор Мартен и автор статьи Жуе приговорены к 6.000 франков штрафа и покрытию судебных издержек. Главным организатором этого процесса был военный министр, иезуит Кост-Флорэ.

Синдикалистская Пресса

"Le Comba Syndicaliste" ("Синдикалистская Борьба"), орган французской Национальной Конфедерации Труда (Н.К.Т.).

"Le Cri des Cheminots" ("Клич Железнодорожников").

"C.N.T.—Action Directe" — "Н.К.Т. — Прямое Действие."

"S.U.B." — Орган строительных рабочих в Н.К.Т.

"Pot à Colle" ("Горшок для Клея") — орган деревообделочников и мебельщиков.

"Le Postier" ("Почтовик") — орган работников почт, телеграфа и телефона в Н.К.Т.

"Syndicalisme A.P." — Бюллетень входящих в Н.К.Т. синдикатов работников общественных служб.

Все эти газеты защищают автономность и независимость профсоюзного движения и выражают идеи и стремления международного Товарищества Рабочих, в состав которого входит французская Нац. Конфедерация Труда, организованна после войны и заменившая Революционно-синдикалистскую Главную Конфедерацию Труда.

ИСПАНИЯ
Жестокие Преследования

Преследование членов анархического движения продолжается. Однако, несмотря на все преследования, борьба против Франко продолжается с неубывающей энергией. Испанские анархо-синдикалисты не сдаются.

В Андалузии, после некоторого периода относительного спокойствия, начались аресты в дек. 1947. В Севильи полиция произвела новые аресты и многие активисты, чтобы избежать ареста, вынуждены были покинуть эту область. В Арагоне ожесточенные преследования. В одном Барбастро убиты два товарища и около 100 арестованы. Полиция Франко захватила военные материалы антифашистских групп. В Галиции (Северо-Запад) арестовано много товарищей, которые отправлены в тюрьму в Оканья, где сидит большинство арестованных в Мадриде и Арагоне. Возможно, что это скопление арестованных синдикалистов и анархистов есть подготовление нового массового процесса против нашего движения в Испании. В Оканье некоторые заключенные уже приговорены к смерти и ожидают исполнения приговора.

Чтобы спасти жизнь этих людей, товарищи в Испании ожидают от нас интернациональной кампании протеста.

Полиция раскрыла нелегальную типографию двух газет: "Земля и Свобода" и "Свободная Молодежь." При этом было арестовано много товарищей, в том числе Хуан Гомец Казас, молодой, 27 лет, рабочий. Именно в его доме была обнаружена типография и много анархического материала. За всё найденное в его доме он взял всю ответственность на одного себя. Полиция превратила его дом в своего рода западню: устроив засаду, оставалась в нем несколько дней, в течение которых жена и дети аре-

стованого т. Казаса были принуждены оставаться в доме. Жену Казаса полиция заставила варить для неё.

16 января в половине двенадцатого ночи к т. Казасу пришел т. Рафаил Каюэла. Он немедленно был арестован. Он имел при себе револьвер, но, вследствие внезапного нападения полиции, он не мог пустить его в дело. Он жестоко пострадал: связанный проволокой, он был избит. Позднее Гомец и Каюэла были доставлены в следственную камеру Особой Бригады, состоящей из фашистов и гражданской гвардии. Эта камера помещается в тюрьме Валлеэрмоза и имеет дурную славу. В течение двух недель не было известно о местонахождении этих двух товарищей. В общей сложности они провели в Валлеэрмоза 20 дней, где были подвергнуты страшным пыткам. От них хотели выведать организационные тайны. Не добившись от них предательства, Особая Бригада передала их Главному Полицейскому Управлению, откуда их 17 февраля отправили в Оканью, где они сейчас и находятся.

Было произведено много арестов в Мадриде и много арестовано в Гуйнузкаа (область басков). Одной из арестованных является Мартина Херахурия. Её арестовали 17 января дома в Сан-Сабастьяне по обвинению в содержании квартиры для укрытия свободников, бегущих заграницу. Три дня она содержалась в тюрьме Ондаррета, отсюда была отправлена в Виллеэрмозу, затем передана Министерству Внутренних Дел и, наконец, была посажена в женскую тюрьму в Вентасе, где ныне и находится.

Арестована Матильда Пахарес де ля Фуэнте, вдова с 7 детьми, из коих пятеро малолетних. Чтобы арестовать её, полиция привела в движение весь свой аппарат — 9 мужчин принимали участие в этом деле. Она была арестована ночью 25 января, с детьми обращались жестоко и заставили их покинуть дом в ночных рубашках, запретив им одеться. В 4 часа утра её доставили по адресу, где при обыске нашли её письмо, затем увезли её в Мадрид. Вначале её посадили в Виллеэрмозскую тюрьму, потом перевели в одиночную камеру Министерства Внутренних Дел, а теперь она в тюрьме в Вентасе.

Габриэль Круз Симо, вместе с другими товарищами, перевезен из Оканьи в Сарагосу, где он должен предстать перед судом. Его обвиняют в принадлежности к партизанскому движению. В Арагоне преследование приняло всеобщий характер. По указанию шпиона полиция произвела много арестов. В Расенене арестован Гонзало Каллехас де Лукас, 26 лет, из Карраскозы, провинция Гвадалахара. Он приехал на родину, чтобы повидаться с родителями и был арестован на вокзале. Ему предъявлено обвинение в принадлежности к анархическому движению Арагона. В Сарагоской тюрьме, где он сейчас находится, его жестоко избили.

В районе Барбастро полиция произвела огромные обыски. Когда сильно вооруженная полиция подошла к дому, в котором находились партизаны, она была встречена огнем. Предатель, приведший полицию, был убит, но потерял свою жизнь и один партизан.

Сообщалось, что газета свободнической молодежи Каталонии "Рута" ("Путь") стала жертвой полиции. Типография была обнаружена полицией. Однако, Секретариат МТР снова стал получать газету, которая выходит в новом издании и в новой тайной типографии. С потерей типографии в Мадриде "Рута" является непрерывной продолжательницей анархической прессы.

—I.A.A. Pressediest, April 7, 1948.

План спасти испанцев Караганды

(МТР). Испанская Федерация Депортированных и Интернированных сделала предложение испанским коммунистам принять участие в плане, направленном против испанских антифашистов, содержащихся в тюрьме Караганды в России: "предложить русскому правительству выдать этих заключенных Франко и таким образом просто объявить их фашистами." (Подробности этого дела см. № 24 "ДТП").

ПОРТУГАЛИЯ

Заявление Подпольной Секции МТР

(МТР). Главная Конфедерация Труда или Всеобщий Союз является секцией Международного Товарищества Рабочих (МТР) в Португалии. Находясь в подполье, она по мере своих сил ведет неустанную работу в духе анархических идей за низвержение фашизма на Иберийском полуострове. В одном из писем к испанской Национальной Конфедерации Труда (НКТ) португальская ГКТ разъяснила свою позицию в деле освободительной борьбы.

"...ГКТ и свободническая молодежь здесь работают совместно, но организационно независимы. Наша позиция к парламентарно-политическим партиям такова, что мы готовы работать совместно с ними на улице, в вооруженной борьбе против фашизма, но без идеологических компромиссов с нашей стороны. Мы не принимаем участия в едином фронте и в Комитет Единства, однако в таком случае избираем особых делегатов, которые вступают в контакт с соответственными делегатами других организаций и доводят до нашего сведения о заду-

манных действиях. Такое участие мы можем принимать. Но после победы мы хотим вести нашу деятельность независимо от всех авторитарных форм деятельности — парламентаризм, коммунальная политика и т. д."

В другом португальском отчете, составленным анархической организацией, мы находим некоторые указания на положение в стране.

"Режим в глубоком кризисе. Еслибы не помощь со стороны Америки и Англии реакционным режимам обоих иберийских стран, Салазар уже был бы свергнут.

"Хозяйственная разруха, банкротство финансовой политики, поведение государственной бюрократии парализовали общественную жизнь и все общественные классы находятся в состоянии брожения. Даже армия, верная служанка режима, имеет свой путь. Политический конфликт между консервативными силами, боящимися революционного взрыва, монархистами, которые только и мечтают о реставрации монархии, большевиками с немыслимым маккиавелизмом, республиканскими кругами, которые шатаются между классическим либерализмом и государственным социализмом, создает огромную путаницу. Кроме того, все эти направления не имеют конкретных идеалов. В этой хаотической путанице и преуспевает ещё фашизм. Разрыв между режимом и армией, кажется, неизбежен: здесь имеются бесчисленные факторы. Мы, анархисты, не имеем никаких иллюзий: мы имеем наши собственные идеи и цели. Мы думаем, что ситуация у нас будет в общем развиваться так, как она развивалась в Испании, поэтому мы прежде всего думаем о совместной работе португальско-испанского свободнического движения, для осуществления которого здесь открываются большие перспективы. Мы думаем также о грядущем Интернационале и уже ныне подготовляем наш Комитет Связи в целях сближения с другими странами.

"Наше движение воодушевлено универсальным духом и готово поддерживать контакт с интернациональным движением, хотя, вследствие нашего нелегального положения, возможны всякие случайности. Мы тоскуем по совместной работе, наши товарищи глубоко сознают также необходимость существования Международного Товарищества Рабочих. Кроме того, мы желаем, чтобы грядущий анархический интернационал крепче связал между собою специфически анархические силы.

"Ныне мы стоим перед двумя путями развития. Мы должны придти или к марксистскому государственному строю, который, в порядке железной организации, задушит все свободы, или же к некоторому новому социализму, который создаст иное новое представление о человеке, которое в свою очередь приведет к новым социальным формам жизни.

"Наш народ симпатизирует нам, но низкий жизненный уровень, экономический кризис, одуряющее влияние клира (духовенства) задерживают его развитие. Но наше движение имеет перспективу и испанское свободническое движение может рассчитывать на нас. Анархизм имеет большие возможности на Иберийском полуострове и он может дать толчёк далеко за пределами наших границ. Интернациональное анархическое движение должно больше работать совместно с португальским. Мы приветствуем вас и надеемся на успех грядущего анархического конгресса."

ИТАЛИЯ
Анархическая Конференция

(МТР). Итальянские анархисты, организованные в Федерацию Анархистов Италии (ФАИ), в конце февраля 1948 г. имели в Каносе, провинция Пуглия, межрайонную конференцию, состоявшую из представителей районных федераций, редакций газет, национальных комиссий ФАИ (корреспондентское бюро, антирелигиозная и антимилитаристская комиссии) и большего числа представителей групп. Перед началом работ Конференции были прочитаны приветствия многочисленных иностранных организаций и среди них приветствие Секретариата Международного Товарищества Рабочих.

После доклада о политическом положении в Италии вопрос был передан в комиссию. Важными пунктами были следующие: о взаимоотношении между анархизмом и рабочими организациями; вопрос печати; позиция движения в предстоящих выборах, затем вопросы: интернациональной связи, финансовый и о созыве общего конгресса.

Мы приводим здесь только резюме принятых конференцией резолюций.

Бюлетень. Внутренний Бюллетень должен выходить раз в месяц в форме газеты в 20-30 страниц.

Антирелигиозная пропаганда. В согласии с местными и областными нуждами пропаганда должна иметь различные формы; однако, она не должна вестись так, как её ведут левые партии, но в анархическом духе.

Антимилитаризм. В отношении антимилитаристской пропаганды Конференция высказала пожелание, чтобы группы ФАИ в этом деле проявили максимальную деятельность на местах и вели агитацию в соответствии с принципами движения.

Работа в Профсоюзах. Анархисты подтверждают ранее принятую позицию и, кроме того, заявляют:

1. Анархические активисты должны принимать участие в организаторской и агитаторской деятельности в рабочем движении вообще и в частности в профсоюзной области.

2. В целях придать работе анархический характер — нужно применять новые средства и прежде всего надо указывать на отсутствие социалистического духа и свободнических желаний у политических партий.

3. Активисты ФАИ должны также принимать на себя руководящие функции в профсоюзах, если это выражается свободным вы-

ражением воли организованных рабочих.

4. Не партийно-политическая деятельность в профсоюзах, прямо зависимая от партий, а товарищество должно санкционироваться взятием на себя функций.

Отношение к Выборам. Конференция Каносы вновь подчеркивает, что анархисты должны отмечать ложь и отсутствие подлинной свободы в итальянской конституции и в представительной системе вообще. Последние три года управления, за которые ответственны большие политические партии (католическая, коммунистическая, центристская и прочие), оказались для народа совершенно негативными и так будет всегда. Вместо этого мы должны пытаться убедить массы обратиться к конкретным локальным прямым действиям в целях конструктивного обновления социальной жизни итальянцев.

КУБА

Второй Конгресс Анархо-Синдикалистов

(МТР). В конце февраля 1948 г. "Associacion Libertaria de Cuba" ("Свободническая Ассоциация Кубы") имела свой второй национальный конгресс, на котором присутствовало около 50 делегатов. Секретариат МТР послал съезду приветствие.

Декларация принципов, принятая вторым съездом анархо-синдикалистов Кубы, отвергая частно-капиталистическую систему, отмечает, что плановое хозяйство и государственный социализм только содействуют плутократическим интересам. Русская революция приняла, как средство, так называемую диктатуру пролетариата, которая породила новый привилегированный класс, контролирующий советское государство и поставивший народ в условия нового угнетения и эксплоатации. Государство не годится, как инструмент социального освобождения, и оно не может устранить войны. Необходима новая революция, чтобы устранить государство, как таковое. Но это не означает, что полезные общественные функции его должны быть устранены. Рабочие союзы, кооперативы и другие свободные организации социальной и экономической областей должны взять в свои руки организацию общества. В случае революции нужно препятствовать установлению центральной власти. Чтобы устранить опасность диктатуры, нужно установить федералистическую систему. Вместо национализации надо пропагандировать социализацию. Только тогда рабочий класс сможет пользоваться плодами своего труда. В этом духе Свободническая Ассоциация Кубы будет разъяснять населению смысл и цель революции, не стремясь перенять в свои руки политическое руководство революцией. Революция и социализм целиком зависят от самого народа в городах, на полях и в мастерских.

В резолюции об интернациональном объединении профсоюзов говорится, что Второй Интернационал целиком находится под влиянием демократического патриотизма и, вследствие этого, не может более рассматриваться как Интернационал. Коминформ— инструмент советского империализма. Международный Союз Профсоюзов стоит на стороне обоих империалистических блоков. Идея общего интернационального прямого действия рабочих всех стран против войны в этом Парижском Мировом Союзе ещё даже не обсуждался и никогда не будет принята. Свободная Ассоциация Кубы рекомендует рабочим организациям вступать в контакт с МТР. Решено во всех местах и во всех профсоюзах, где только возможно, образовать Комитеты Действия, которые должны входить в МТР. Их лозунгом должен быть лозунг Первого Интернационала: "Освобождение рабочих — дело самих рабочих."

Что касается международного положения, съезд принял резолюцию, в которой говорится, что Куба находится в сфере влияния американского империализма. Однако, политически этот империализм едва чувствуется Кубой, а экономически страна с пользой выйдет из положения, поскольку сахарная промышленность, экономический нерв страны, будет выкуплен у США. В то же время международное положение понимается как борьба за мировое господство между американским и советским империализмами. Выход из этой ситуации только один — мировая революция и движение Кубы будет работать, чтобы помочь подготовить эту революцию, поэтому оно желает иметь более тесную совместную работу со свободническими движениями всех других стран.

В особом послании к Секретариату МТР конгресс уверяет, что будет сделано всё возможное, чтобы профсоюзы острова Кубы вошли в Международное Товарищество Рабочих.

Конгресс послал братское приветствие свободническим организациям мира, ведущим борьбу за осуществление идеалов свободы. Конгресс почтил память всех павших товарищей и выразил свою симпатию всем находящимся в тюрьмах и концлагерях фашистской и тоталитарной реакции: испан-

цам, болгарам, русским . . . и всем, преследуемым в полуфашистских странах, как Аргентина, Сан Доминго и т. д.

Свободники-милитанты (активисты) Кубы, — заявляет конгресс, — всегда будут на стороне тех, которые борются за свободу. В особой резолюции конгресс приветствовал также всех немецких товарищей, переживших нацистские преследования, и говорит им: "Добро пожаловать в наше интернациональное движение."

Алексей Исидорович Омельчук

(Некролог)

На 56 году жизни скоропостижно умер А. И. Омельчук в последние годы страдавший пороком сердца и знавший о грозящей ему опасности. Утром 12 апреля 1948 года, отправляясь на работу, он зашел по пути в столовку и заказал чашку кофе. Когда официант принес ему кофе, Алексей Исидорович, склонив голову как бы в глубоком раздумьи, ничего не ответил на слова официанта, так как он уже был мертв.

Покойный родился в с. Постойно, Ровенского уезда, Волынской губ., окончил церковно-приходскую школу и молодым юношей приехал в Америку в 1913 году. Как и тысячи других русских выходцев, А. И. считал свое жительство в Америке временным и по этой причине остался холостяком. Из родных в России у него остались — старушка-мать и четыре брата.

К безвластному движению Алёша примкнул вскоре после прибытия в страну "Желтого Дьявола." Столкнувшись с политически грамотными людьми и разными направлениями общественной мысли, он понял, что ему трудно спорить по вопросам политики и экономики, поэтому он энергично принялся за самообразование. Учился он упорно и долго и достиг широкого развития. Его легко можно было причислить к интеллигенции, вышедшей из народных масс: он отлично разбирался в исповедуемой им идее анархизма и в идеях государственников. Большевизм он считал тоталитарным рабством и боролся с ним.

В последние годы А. И. не принимал близкого участия в безвластном движении, но не переставал щедро отзываться на всякие нужды. Покойный обладал способностью влиять и передавать свои верования окружающим, не говоря уже о близких и друзьях. Его однокашник т. Стецюк у гроба покойного с гордостью объявил, что бакунинско-кропоткинские идеалы он воспринял от Алёши и что он считает себя счастливым, потому что среди человеческих акул и шакалов он познал правду и справедливость.

Как всем известно, РООВА черпает свои соки из кропоткинской идеи Взаимной Помощи и что в подавляющем большинстве членский состав РООВА, если не безвластники ныне, то были таковыми в дни юности, когда личные интересы приносились в пользу общества и лучшего будущего. Не их вина, что возраст и молот американской цивилизации перековал и переиначил их в свою пользу. А. И. состоял членом 72 отдела РООВА, ибо считал, что эта организация в той или иной мере отражает добрые намерения П. А. Кропоткина.

Покойный т. Омельчук не любил взбивать вокруг себя пену, как это делали некоторые доморощенные "Демосфены" во дни военного "бума" в детройтской русской колонии: он любил делать добрые дела, но никогда не выставлял себя, предпочитая оставаться в тени. Всю свою сознательную жизнь он был атеистом и в беседе с церковниками часто говаривал: "Не бог сотворил человека, а человек — бога." Как убежденный атеист, он громил церковность и поповщину, но Алексей Исидорович не позаботился оставить духовное завещание, поэтому он был похоронен по религиозному обряду его двоюродным братом (священником православного прихода в Виндзоре, Канада), на правах родственника, на калдбище "Эвергрин." Похороны состоялись 15 апреля 1948 г. Гроб утопал в цветах.

Ф. Коваленко

"Дело не в том, что мы составляем меньшинство. Это не важно. Успех будет на нашей стороне, если только наши идеи анархического коммунизма соответствуют современной эволюции человечества. На наш взгляд относительно этого не может быть сомнений. Человечество стремится не к усилению власти, а к освобождению личности, к свободе производителя и потребителя, к Коммуне, к свободным союзам; оно возстает против частной собственности и мечтает о коллективном производстве и потреблении всех товаров всеми членами Коммуны. В больших городах коммунизм не страшит уже никого, особенно анархический коммунизм. В деревнях эволюция происходит в том же направлении. . . . Вот почему каждый раз, как мы излагаем трудящимся массам свои идеи, каждый раз, как мы говорим им простым понятным языком о социальном перевороте, они встречают нас сочувственно."

КРОПОТКИН

ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

Почему мы не возвращаемся на родину?

Дорогие соотечественники в Америке! Мы слышали, что вас интересует и смущает вопрос: почему мы не возвращаемся на родину?

Легче было бы ответить на вопрос: почему многие вернулись? Они вернулись только потому, что тоска по родине и близким затмила их разум и у них не было силы воли противостоять этой тоске. Не возвращаемся же мы не потому, что у нас нет этой тоски (она нас гложет день и ночь, до самоубийства), но она не поработила нашей воли.

Невозвращенцы — самый волевой народ: они преодолели самое тяжелое — тоску по родине и по близким. Значит, они ничего не боятся и будут вести борьбу против поработителей нашей родины и нашего народа до конца своих дней. Нам только нужна помощь от наших соотечественников за рубежем, главным образом — моральная, духовная помощь; необходимо, чтобы они нам верили. Ведь они, наши зарубежные соотечественники, покинули родину так давно, что в сущности не имеют никакого представления о положении дел на родине, так как не видали большевизма на практике во всей силе и зле, как мы его видели и на собственной шкуре испытали неимоверные жестокости и ужасы большевицкой власти и её режима. Мы, частица несчастного русского народа, не поддались заведомо лживой пропаганде "рабоче-крестьянской власти," так как насквозь её видели: большевизм не изменился и не изменится никогда. Его цель — мировое господство в интересах порабощения народов мира.

Русский народ, глубоко несчастливый, нищий и голодный, зажат в тиски тоталитарного правительства, ему не дают пикнуть и пошевелиться. Под страхом смерти и каторги в концлагерях, где люди гибнут миллионами, каждый из 200 миллионов населения России должен думать так, как приказывает партия ВКП(б) и "великий" Сталин. Молодёжь духовно искалечена и все лгут, ломая свои души, чтобы жить. А какова жизнь?

Жизнь в СССР — это нечто такое, чего вы заграницей даже представить себе не можете: тяжелая работа по 12-14 часов в день (неофициально), так как иначе нельзя выработать нормы и не заработаешь даже на жалкое существование. А дома — нищета, усталость, отсутствие времени сделать самое необходимое, жалкий, наскоро сваренный, голодный обед, оборванные, голодные дети, беспризорные, так как и мать и отец весь день на работе, и вечный страх! Везде тебя подслушивают, науськивают на тебя соседей и знакомых и влезают в твою душу, чтобы узнать, что ты думаешь. Единственная отрада у мужчин — пьянство, в котором они всё забывают, а у женщины и этого нет, так как она должна думать о детях и хозяйстве. В России нет семьи, где не было бы кого-нибудь исчезнувшего в концлагере, пропавшего без вести или расстреленного . . . Такова жизнь. Зачем мы поедем туда? Ведь мы "виноваты" перед Сталиным одним тем, что **мы видели жизнь других народов, нюхнули чужую свободу, узнали, значит, его величайшую ложь** и, **приехав, расскажем это на родине. Только в этом вся наша вина,** за что сразу будем уничтожены. его палачами.

Не верьте насквозь лживой ком-пропаганде. Против неё надо бороться, уличая её ложь. Сейчас надо всем соединиться для борьбы против мирового зла — диктатуры и для освобождения нашей обожаемой родины от страшных врагов. Мы надеемся на вашу помощь, дорогие соотечественники, — разбить наглую ложь большевизма. Разве фактом своего невозвращения мы не доказываем вам ложь большевизма и нашу правду? Если же на родине нас ждут близкие, друзья, мирная творческая работа и свободные человеческие условия жизни, то кто бы из нас не вернулся туда, а избрал бы это нищенское, полуголодное, бесправное существование политических беженцев? Или мы все военные преступники, боящиеся справедливого наказания за измену родине? Среди нас масса больных стариков и молодых людей, взятых немцами при оккупации 14-15-летними детьми. В большинстве их вывезли немцы насильно, а многие попали в плен. Чем же все эти люди виноваты перед родиной? Какие же это военные преступники?

Мы знаем, что никого из родных и близких нам людей мы больше не увидим, так как один факт нашего невозвращения был достаточен, чтобы их там уничтожили. Домой мы тоже не попадем; в лучшем случае нас отвезут в концлагери на Дальнем Востоке, где, под издевательства и ругань палачей,

мы будем нести непосильную работу до самой смерти. Там нельзя бороться со злом, так как его служители и погонщики (социальные паразиты) не дают человеку возможности даже вздохнуть свободно: за ним следят десятки глаз.

Раз там нельзя, так будем тут бороться против диктатуры большевизма! Здесь у нас единственная цель жизни — бороться за освобождение нашей великой родины, бороться словом и делом: письмом, опровержением лживой пропаганды, проповедью правды о большевизме и, наконец, оружием, когда это будет нужно. Правда, нам трудно это делать здесь, так как страх, этот вечный спутник каждого "советского" человека, сковывает ещё многих, а материальная нужда и убогие условия нашей жизни не способствуют развитию широкой борьбы. В свободной Америке это куда легче. Но бороться надо и тут. С вашей помощью нам будет легче бороться со страшным злом большевизма. А когда нам, может-быть, удастся к вам перебраться, тогда развернем все силы, которых у нас хватит, с надеждой на успех, на возвращение на нашу чудную родину, в свободную Россию.

Германия. **Группа Невозвращенцев**

(Здесь нас, русских невозвращенцев, около 50 человек. По известным причинам мы не перечисляем своих имен, отчеств и фамилий.)

***

Дорогие соотечественники! В час тяжёлых испытаний мы, невозвращенцы, обращаемся к вам с горячим призывом: ПОМОГИТЕ!

Русский народ, попав под колесо истории, переживает величайшие потрясения. Клика, именующая себя большевиками, отняла у нашего народа право на жизнь. У рабочего она отняла право свободно избирать профессию и место работы и сделала его рабом государственного капитализма. У крестьян она отняла завоеванную ими землю и превратила их в бесправных государственных батраков, сковав их колхозами. У интеллигенции она отняла право свободно творить на благо народа и — (с одной стороны — подкупом, а с другой — террором) — сделала её орудием своей лживой пропаганды.

Большевки отняли свободу личности, свободу слова, свободу печати, свободу собраний, свободу веры или убеждений, свободу жительства и свободу передвижений. Все эти гражданские свободы они заменили партийными привилегиями и ничем неограниченным произволом — страшным и жутким. Прикрываясь лже-социализмом, они обрекли наш народ на нищету, голод и вымирание. Кроме того, благодаря политике "мудрейшего," многие россияне попали ещё и в иноземное рабство с кличкой "унтерменш" и со знаком "О.С.Т." От систематического недоедания и кошмарных условий гитлеровского рабства большинство их погибло.

Мы же, отказавшиеся вернуться в подъяремную Русь и носящие кличку "ди-пи," живем здесь бесцельно и влачим жалкое, полуголодное существование, вдобавок отравляемое презрением и ненавистью немцев. Дорогие соотечественники, братья и сёстры, находящиеся в Америке, мы нуждаемся в вашей помощи. Мы надеемся на ваше сочувствие и братскую отзывчивость. Ваша помощь ободрит нас духовно и облегчит нашу материальную нужду, дабы сообща бороться за полное освобождение народов России от страшной диктатуры большевицких временщиков.

Группа Невозвращенцев
в Мюнхене и Аусбурге.

(По известным причинам подписи опущены.)

Судьба Возвращенцев

Судя по событиям, которые происходят в Западной Европе и в странах Америки, 30 лет большевицкого господства многих людей ничему не научили. Это явление просто непонятно не только для тех, кто никогда не знал большевизма и только судил о нем по его лживой печати, но даже и для многих из тех, кто пережил большевизм и на своих плечах перенес его господство. Я знаю многих советских граждан, у которых расстреливали отцов и братьев, и они убежденно говорили, что они, их родители, заслужили этого и что их надо было расстрелять . . .

Из газет я узнал, что русские эмигранты в Китае тоже опростоволосились: их ничему не научил урок с гибелью нескольких тысяч работников Китайской Восточной железной дороги, вернувшихся в 1935 г. на родину. Я, как живой свидетель, могу рассказать об этой трагедии. Из газет мы узнали, что СССР купил у Китая КВжд и стал усиленно приглашать на родину бывших граждан России. Чтобы сбить их с толку, к ним проявили "особую заботу": в Харбин отправили шикарно отделанные поезда с вагонами первого класса и вагонами-ресторанами. Железно-дорожникам сказали, что они могут всё вывезти в СССР, для чего предоставляют им багажные вагоны без ограничения.

Поздней осенью 1935 года в города Днепропетровск, Воронеж, Ростов-на-Дону под-

ходили поезда с хорошо одетой публикой: мужчины в шляпах, а дамы с собачками выходили на перрон вокзала. Встречавшие их думали: "Зачем эти чудаки приехали? Ведь погибнут здесь!" А на лицах приехавших можно было прочесть, что им здесь не сдобровать. Их поселили в новоотстроенные дома для местных железнодорожников.

Чистые, хорошо одетые "кавежиденцы," как приехавших называли железнодорожники, всегда были предметом внимания. Пользуясь магазинами Торгсина, они этим вызывали вражду к себе населения, которое в это время крайне голодало. Однако, это благополучие не долго длилось. Весной 1936 г. начались аресты среди бывших работников КВжд. Все они объявлялись "шпионами." Ни одного суда над ними не было, но издевательств вдоволь: жены отделялись от мужей и дети — от родителей. Всё их имущество конфисковалось, при чем наиболее ценное забирали себе работники НКВД. Немедленно в городских магазинах появлялись для продажи чемоданы, сапожные щетки, посуда и т. д. В Днепропетровске арестовали всех студентов, вывезенных из Харбина. Так разделался большевизм с легковерными работниками КВжд.

Из всей массы уцелело не более 1%, а остальные 99% без суда и следствия были отпрапвлены в Сибирь, где видимо и сложили свои головы, так как советской каторги долго не выдерживают. Такова судьба возвращенцев в СССР.

Теперь, когда из Шанхая хлынула в СССР новая волна русских эмигрантов, быть может, еще недобитых в 1935 г. работников КВжд, невольно вспоминаешь судьбу первых возвращенцев, прибывших на родину 12 годами раньше. Наша задача разъяснить и своевременно помочь этим людям понять, что в СССР не прощают и беспощадно уничтожают тех, кто много видел. Всякий, побывавший за границей, будет всю жизнь преследоваться и . . . уничтожен. **Емшанов.**

Случай в Белоруссии

Вслед за армией, изгонявшей немцев из районов Белоруссии, как известно, двигались карательные отряды энкаведистов, которые наводили ужас на оставшихся в живых жителей городов и деревень своим необузданным террором. Днем и ночью трещали залпы и не умолкали вопли несчастных жертв. Многие жители, а иногда и целые деревни, уходили в леса, откуда не показывались, боясь встречи со своими "освободителями."

Руководители большевицкой охранки и агенты НКВД организовали поэтому специальные отряды для "прочесывания" лесов и охоты за головами обезумевших от страха женщин, стариков и детей. В лесную стоянку жителей нескольких деревень Новогрудского района однажды нагрянул внезапно такой отряд энкаведистов с тремя ручными пулеметами и десятком автоматов под командой г. Давидсона. — Что это здесь за сброд? — заорал Давидсон, метнув глазами в сторону затравленных людей. — Почему прячетесь?!

На его вопрос выступил вперед 73-летний Прохор Акулькин, который объяснил, что они спасаются в лесу от артиллерийского огня и воздушных бомбардировок, потому что ещё не знают, где проходит линия фронта.

— Знаем! — завизжал начальник отряда НКВД, — Всё знаем! Вы все напитались антисоветским духом. Все вы — изменники!.. Оружие к бою! — скомандовал он, обращаясь к чекистам.

Раздались залпы, которыми были скошены на смерть 68 женщин, стариков и детей, а 46 тяжело раненых тут же были добиты палачами.

Оставшихся в живых энкаведисты пригнали в Новогрудок и заперли в сараях бывшей городской бани. В следующую ночь они отделили мужчин от женщин и детей и угнали их в неизвестном направлении. Остальные, в том числе раненые и маленькие дети, остались в заключении, не получая ни пищи, ни воды. Рабочий **В. Спасов**

Капитан-Невозвращенец

По национальности я — русский. С 1937 года "кочевал" по всей русской земле. В 1939 окончил военно-кавалерийское училище и в этом же году участвовал в войне против Финляндии. Был ранен. В марте 1941 г. был награжден орденом "Красной Звезды" и числился на особом учете Генштаба. О действиях в Финляндии можно рассказать очень много, особенно о преступности и коварности со стороны главных штабов. Много было таких вещей, о которых только заграницей я мог рассказать товарищам, ибо на "родине" собственной подписью на особом бланке я поклялся никому не передавать ни о моих действиях, ни о том, что я видел.

Советской властью я лично не был обижен, ибо я был долей силы в руках кремлевских палачей против своего же народа. Это, во-первых, а во-вторых, я был **слепой**, ибо другого мира никогда не видел, и слышать приходилось очень редко.

Впервые я увидел правду в Польше, куда был переброшен после выздоровления и где я, 20-летний юноша, командовал пулеметно-кавалерийским эскадроном. Как орденоносец, я пользовался большими преимуществами среди товарищей, а родные имели кое-какие льготы в налоге, хотя жили очень плохо и всё время в нищите. Мне вспоминается 1933 год, когда я **целыми днями ничего не кушал**, за исключением "хлеба," сделанного из листьев липы и примеси цветов клевера. В это время я учился в 5 классе средней школы, а в свободное от занятий время я должен был помогать отцу в работе. Хочется плакать, вспоминая сейчас, как старики и дети заливались горькими слезами, увидя первый кусок настоящего хлеба, полученного из колхозных амбаров **только после сдачи хлебопоставок государству.** Я прмирился с этим, ибо, по правде сказать, думал, что так и нужно: ведь "за границей ещё больший голод."

Во время войны с Германией я был врасплох захвачен в плен в районе Львова, хотя и дрался 18 дней. Не хочется вспоминать об этом аде и месиве человеческого мяса и крови. В немецких лагерях русских военнопленных ежедневно вывозили сотнями трупы красноармейцев, умерших от истощения и холода. И никто нам не мог помочь. Сталин отказался от нас, а немцы убивали нас измором. Несчастные люди ели всё, что попадалось: котов, мышей, а зачастую и друг друга. Где было искать спасения? . .

Для меня лично случилось что-то и до сих пор неясное: меня перевезли в другой лагерь, где в большинстве были французы и англичане и очень мало русских. Об этом моменте можно сказать, что я попал из ада в рай. Здесь же я получил с родины печальное известие, что моего **отца, брата и пять сестер убили красные партизаны,** а за что — не известно. Я остался один. Что делать?

Пришло время и гитлеровский райх пал. Началась погоня по всей Европе за "врагами народа," началась охота за головами невозвращенцев, которых везде искали сталинские ищейки. Сколько бедствий пришлось перенести! . . . Агентам НКВД очень рьяно пособляла военная полиция — "эм-пи." Чтобы избежать ареста "М.Р.," всем мужчинам, без исключения, приходилось ночевать в лесу. Недаром у невозвращенцев сложилась песенка об англо-американской военной полиции:

"Вот по улице плетется неугомонный наш 'ди-пи':
Никого он не боится, кроме Бога да 'эм-пи'!..."

Бывший Капитан

ПИСЬМА РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Просьба "Нового Города"

Как я уже писал вам в предыдущем письме, ваши посылки книг получены и ещё раз приношу вам нашу сердечну благодарность за ваше внимание, участие и искреннюю готовность помочь нам в постигшей нас беде. Наша горячая просьба к вам высылать все выходящие в Америке русские газеты, журналы, книги, а также русские издания в других странах, как новые, так и старые, зачитанные, одним словом всё, что возможно. Когда мы представляем себе, что газеты по прочтении подписчиками выбрасываются в корзины, тогда как здесь они бы зачитывались до последних клочков и вели бы к освежающим мозг диспутам и размышлениям, то становится так же тяжело на душе, как при чтении газетных сообщений о том, что тысячи тонн кофе, картофеля, огурцов, помидоров и т. д., в целях удержания высоких цен, безжалостно уничтожаются или выбрасываются в море. Ведь здесь, среди развалин европейских городов, голодные вдовы и сироты были бы бесконечно счастливы получить хотя бы одно кило или один фунт помидоров в месяц.

В то время, как мировое производство продуктов человеческого потребления сильно отстает от спроса из-за недостатка рабочих рук, здесь, в разбитой Германии, имеются сотни тысяч бездомных эмигрантов в возрасте от 20 до 45 лет, которые жаждут работать в человеческих условиях нормальной жизни и оплаты труда. Ведь налогоплательщики различных государств должны платить на содержание этих "непродуктивных" рабочих сил только из-за того, что дело колонизации и переселения находится в руках малокомпетентных чинников, а не горячих и энергичных деятелей в области международного гуманизма и социальных забот о потерпевших и преследуемых.

При богатейших колонизационных возможностях в различных государствах, даже в той же Америке, в Канаде, Бразилии, Австралии и т. д., организованная здесь "Новая Колония" из 800 участников, желающих колонизировать аргентинские девственные сокровища, уже два года не может выехать в Аргентину из-за формальной волокиты и политических глупостей, благодаря которым визы присылаются только в Париж, а получить их они не могут, т.к. им не разрешают поездку в Париж для получения виз.

Полная бездарность и неспособность организации для расселения эмигрантов со стороны прежней УНРРА и нынешнего ИРО, а главное — политическая безграмотность администрации, особенно красивых молодых дам с кроваво-красными ногтями и толстым слоем штукатурки на "девственных ланитах," ведет к тому, что худшие элементы попадают в число первых на новые места, где они провоцируют хорошее отношение к новым эмигрантам со стороны местного населения. Мало-мальски думающей голове должна, казалось бы, придти весьма простая мысль, что всего этого можно легко и просто избежать, если ИРО передаст контроль кандидатских списков соответствующим русским профессиональным и общественным организациям.

Видя всю безнадежность деятельности ИРО, а главное — отсутствие элементарной целесообразности в её действиях и решениях, группа инжене-

ров, техников пищевой промышленности, разного рода специалистов и рабочих решили строить в каких-либо девственных дебрях НОВЫЙ ГОРОД, начиная от первого удара топора по девственному лесу и кончая модерным зданием оперного театра. Мы просим нас перевезти, дать взаимообразно палатки или бараки, инструменты и долгосрочные кредиты для обработки и бесплатно предоставленную нам государством землю для постройки Нового Города. Единственное условие: здоровый климат и наличие природных богатств для добывающей или обрабатывающей промышленности. Просьба ко всем хорошим людям колониальных государств, доминионов Южной и Северной Америки писать о всех возможностях местной колонизации с подробными данными и адресами в "Дело Труда-Пробуждение."

Возвращаясь к вашему письму, прошу вас высылать все прочитанные русские газеты, ваш журнал и книги для работы нашей Академии Труда. **Н.В.**

ВЮРТЕМБЕРГ, Германия. 4-II-48. — Уважаемый т. М.! Видите, я тоже употребляю это слово. Оно меня нисколько не шокирует, т. к. истинное значение его я хорошо понимаю. Но среди населения русских лагерей это слово звучит оскорблением: предпочтение отдается "господину," хотя такой "господин" иногда выглядит не лучше нижесреднего советского "товарища" по той же причине отсутствия самого необходимого для человека.

Сообщаю с благодарностью, что все книги от вас получил. Очень трогает, что Вы так быстро и отзывчиво действуете. Уже одно это может расположить к вам людей. И чувствуется, что Вам приходится много работать. Во всяком случае мне лично ещё не довелось в Америке встретить такое радушие и готовность помочь, хотя я и связан с другими людьми, у которых, может-быть, больше оснований и возможностей, нежели у Вас, для оказания мне помощи. Но это мое мнение, а мнение личное в большинстве случаев — пристрастно. Так или иначе, но Вам я от души благодарен.

Теперь в отношении литературы. Скажу по совести: в первую очередь я набросился на беллетристические вещи. Проглотил в один присест "Анархистов" Маккая, так же моментально перечитал "Овода" и "Первого среди равных." Третий том Бакунина прочитал, как новинку. Его "Речи и статьи по славянскому вопросу" — это ни в коем случае не "вчера"; это настоящее "сегодня." Смените там Николая на Сталина и смело печатайте, читайте сегодня (особенно речь к полякам). Прочел также Кропоткинский Сборник с очень популярно написанными статьями. Теперь постепенно "осиливаю" остальную литературу.

Что могу сказать? Бакунин и Кропоткин на меня лично (говорю только о себе, т.к. миром они давно признаны...) производят исключительное впечатление. Их идеи не настолько новы даже для меня, чтобы поразить, и не настолько стары, чтобы не быть свежими в наши дни. Как я уже писал Вам, я ничего не знал об анархизме и сейчас с удовольствием отмечаю, что это учение включает в себе элементы самого передового, самого прогрессивного движения. Больше того, Бакунин, например, в прошлом столетии был значительно прогрессивнее многих общественных "прогрессистов" наших дней. С неподдельным изумлением в его "Речах на Конгрессе Лиги Мира и Свободы" я читал о... Соединенных штатах Европы"!... У меня даже зародилось подозрение, что Черчиль является анархистом...

Но, шутки в сторону.

Могу сказать, что даже бегло и крайне не систематично ознакомившись с идеями анархизма, я нашел в них столько родственных моему пониманию положений, что могу считать себя анархистом. Есть, конечно, многое, чего я не могу принять вследствие ли недостатка теоретических знаний, или вследствие воспитания, образования, личных убеждений. Однако основные положения всецело поддерживаю. Очень жаль, что идеи анархизма так мало известны нашему народу.

Из беллетристики я вывел заключение, что анархизм признает индивидуализм и поощряет свободное развитие личности, не претендуя закабалить душу своего члена, подчинить его дух букве своего устава и программы. Если я это правильно понял, я — анархист.

В отношении религии я не совсем согласен с принципам анархизма не по личным убеждениям, но по той же причине предоставления свободы личности. В советское время я был, так сказать, пассивным атеистом, но война со всеми ёе ужасами, немецкий плен со всеми его страданиями сделали меня, если не верующим, то более чем терпимым к верованию других. Однако я горячий противник попов, церквей, монастырей и всего этого сонма помощников эксплоатации, под райские песни о любви к ближнему опустошающих тощие карманы этих ближних.

Об отрицании анархизмом государства скажу очень коротко: мне ещё не приходилось слышать о государстве, которое бы что-нибудь давало человеку, ничего у него не беря. Происходит наоборот: государство очень много берет, но ничего не даёт, если не считать таких "благ," как тюрьмы, лагеря, суды, полиция и бесчисленные учреждения, ограждающие свободное волеизъявление человека. ...Пишу Вам короткие бессвязные замечания, ни в коем случае не претендующие на критику. Для этого я вообще не пригоден и, кроме того, настолько не зрел теоретически, что, даже при наличии тщеславного желания сказать что-либо веское, не стал бы браться за столь опасное предприятие. Даже о содержании журнала я не берусь сейчас высказаться в том смысле, в каком предполагал вначале. Я чувствую, что между журналом и теми книгами, которые я от Вас получил, имеется идейная органическая связь и без изучения этих книг трудно судить о журнале. С точки же зрения читателя скажу вот что: критика большевизма ведется хорошо, однако не всегда высококвалифицировано: не хватает знания большевизма на практике. Об Америке статьи полней, лучше. Всегда интересны статьи Максимова. Меня особенно убедил его довод о том, что принесет больше разрушений: войны или самое "свирепое" осуществление анархизма? Такие удачные примеры и сопоставления помогут читателям лучше усвоить идеи.

Очень хорошо, на мой взгляд, делается отдел писем. Коротенькие записки ваших друзей, жертвующих посильную лепту, производят впечатление чистоты и благодарности служения идее. Письма из лагерей "ди-пи" несколько растянуты и за счёт их сокращения имеется возможность расширить политическую публицистику. Вот коротко мои замечания. **Г. П.**

КАССЕЛЬ, Германия. 6-II-48. — Дорогие друзья! Ваша посылка для нас была сегодня такой большой, а главное — совсем неожиданной радостью, что некоторые больные около неё танцевали. Она так богата, так вкусна, что мы много-много лет не видали ничего подобного. Я разделила её среди многих

больных. Увы, не всех удалось осчастливить, тем не менее, большое вам спасибо за вашу щедрость.

Приношу вам глубокую благодарность за присланные газеты и журналы "Дело Труда-Пробуждение." Мы их читаем с большим интересом и благодарны людям за правду и правильное освещение ненавистного режима на нашей родине. Мне очень по душе ваша горячность в борьбе против большевиков, обманщиков и поработителей народов России. В журнале "ДТП" статья "Цивилизованное Варварство" произвела на меня и на многих других, находящихся здесь, прекрасное впечатление. Очень люблю статьи Максимова.

Вам лично, г. М-ко, я глубоко благодарна за заботу и за чудное, горячее письмо. Оно меня тронуло чувством дружбы, доброжелательством, сочувствием и огорчило известием относительно заблуждений старых русских колонистов в Америке. Боже мой, даже страшно! Если наши русские так заблуждаются, то чего же ждать от чужих, иностранцев?!

Вы наверное слыхали о выдаче итальянскими властями в Неаполе наших людей (невозвращенцев) агентам Сталина при посадке "ди-пи" на пароход для отъезда в Аргентину. Как видите, враг идет на все ухищрения, ничем не брезгает, а помощников у него несть числа. В Германии мы живем пока божьей милостью и ежедневно нам угрожает опасность оказаться в лапах врага. ИРО очень ненадежно. Оно следует по стопам УНРРА, которое выдавало людей тысячами. Мы много пострадали от этой организации. Бог с ней, с её питанием. Лучше были бы голодные, но уверенные, что нас никто не выдаст.

Здесь имеются у нас люди, нуждающиеся в одежде. У них **ничего** нет; ни пальто, ни белья, ни платья, ни обуви... Ваши книги читаем запоем. **М. П.**

СОНДАЛО, Италия. 12-II-48. — Дорогие друзья! Большое вам спасибо за ваше внимание ко мне. Вы глубоко тронули меня своею любезностью. Ещё благодарю неизвестного мне человека, который напомнил вам обо мне. Журнал "Дело Труда-Пробуждение" № 22 и 23 прочел с большим интересом и получил громадное нравственное удовлетворение. Вы делаете большое, полезное и такое нужное дело, что от души желаю вам всяческих успехов в вашей работе.

Не знаю, когда вы получите это письмо, посылаемое простой почтой, т.к. на воздушную почту надо затратить минимум 90 лир. Мое же финансово-экономическое положение не лучше любой европейской державы, когда не придумаешь, как приобрести пару нижнего белья или верхнюю рубашку. Планом Маршалла мои нужды не предусмотрены, поэтому приходится выходить из положения по советскому методу — путем "мобилизации местных рессурсов," на что "ди-пи" большие мастера, т.к. этому нас упорно и настойчиво обучали все 25 лет в Союзе, где латание Тришкина кафтана поставлено на недосягаемую высоту. Способности и навыки по изысканию несуществующих рессурсов, полученные нами от лучшего маэстро мира, известного больше под кличкой "отца," "друга" и "вождя," очень пригодились нам в Европе, ибо наши новые друзья, оказалось, не так уж далеко ушли от наших врагов: это нам стало ясно, когда мы на собственной шкуре испытали их "дружескую заботу" о нас по обратному водворению в "советский рай," когда беззащитных и ни в чем не повинных людей, на радость "отцу народов" и "советским патриотам," расстреливали и уничтожали только за то, что они хотели жить. Количество пролитой при этом русской крови никого не интересовало, т.к. в "самой демократической в мире стране" это вошло в систему, а "просто демократические," видно, хотят в этом отношении догнать "самую демократическую." Странно одно: людям, далеко стоящим от большой политики, стала понятна простая политическая аксиома, что западная демократия без союза с русским народом большевизм победить не сможет, тем не менее неслыханные в истории мира издевательства и глумления над русским человеком продолжаются с прежним упорством и настойчивостью с явной тенденцией довести русский народ до сознания, что "хрен редьки не слаще," после чего спасению европейской культуры никакие атомные бомбы не помогут. Мы глубоко уверены, что настанет час, когда т.н. "западная демократия," прижатая к стене большевизмом, **вынуждена будет протянуть** руку русскому народу ,но рука эта повиснет в воздухе, т.к. будет слишком поздно. Нечестную игру в отношении "ди-пи" необходимо прекратить немедленно и, чем скорее, тем выгоднее будет для западной демократии и всего мира. Любителям тайной дипломатии надо прямо заявить: "Вы с дипломатической любезнстью дружески хлопали по плечу Сталина, пока не прохлопали всю Европу..." Если судьбою суждено нам сложить головы на большевицкой плахе, то на плаху-то мы пойдем в вашей милой компании и приговор истории будет один и тот же и для нас и для вас... Разница будет лишь в том, что мы явимся жертвами мировой катастрофы, а вы— непосредственными виновниками. Поймите главное: большевизм, так или иначе, бросил в массы новую идею, пусть идея эта извращена, осквернена и облечена в столь ужасные, уродливыеы формы, но массы мира, обманутые лживой компропагандой, идут за этой идеей. А что вы ставите в противовес большевицкой идее? Финансово-экономическую мощь и техническое превосходство? Но в войне идей это решающей роли не сыграет, как и атомные бомбы: разрушительную силу можно побороть лишь силой созидательной. Аморальный большевизм более всего боится истины и справедливости. Возьмите на себя миссию бескорыстных освободителей угнетенных большевизмом народов Восточной Европы, Балкан и, в первую очередь, русского народа, тогда симпатия мировых масс к вам будет обеспечена. Не бойтесь мощи СССР — она призрачна, не бойтесь большевизма — идейное убожество его общеизвестно: бойтесь собственных ошибок. **А. Г.**

НАТЕРНБЕРГ, Германия. 17-III-48. — М. Г., если имеете возможность пришлите, пожалуйста, в наш лагерь Ваш журнал "Дело Труда-Пробуждение." У нас совершенно случайно был номер за декабрь 1947 г. Оплатить — нет долларов. **Н.**

ДЕГЕНДОРФ, Германия. 16-III-48. — Сердечный привет вам, дорогие братья! На склоне лет, на чужбине, отрадно было увидеть свою родную печать, отрадно было узнать, что наше боевое черное знамя ещё не выпустили из рук.

Оставшихся в живых товарищей из федерации "Вольное Братство" прошу откликнуться в редакцию "ДТП." Привет всем. **Шарап.**

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ

ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Попытки организовать комитет

ЧИКАГО, Иллинойс. — Организовать Комитет Помощи Русским Невозвращенцам в среде чикагских независимцев оказалось делом трудным, так как многие члены РНзОВ далеко ещё не очистились от патриотического насморка, который они схватили во время войны. Тем не менее я начал действовать, чтобы сделать хоть что-нибудь.

Православные верующие советовали мне обратиться с этим вопросом к епископу Макарию или Адаму, — представителям московской патриаршей церкви, которые и организуют Комитет Помощи. Предложение это я отклонил на том основании, что иерархи эти слишком высокие и я не знаю, как к ним обращаться. Но верующие не унимались и настояли на том, чтобы я обратился к "батюшке" Ведерко, который и "даст вам наставление." Пошел.

Служба в независимой церкви уже кончилась, но "батюшка" ещё был в парчевой одежде. Я разъяснил ему свою миссию. "Батюшка," осмотрев меня внимательно, спросил:

— А откуда вы взяли имена и адреса этих русских "ди-пи"?

— От русских безвластников, — ответил я. "Батюшка" нашустрился.

— Я вас не понимаю, — сказал он, — мы ведь верующие...

— Очень просто, добавил я, эти "ди-пи" — люди верующие. "Делотрудовцы" им помогают, но они не могут помочь всем. Кроме того, "делотрудовцы" думают, что задача подлинных христиан заключается в том, чтобы протянуть руку помощи нуждающимся. Ведь так учил Христос...

Глаза батюшки забегали, а рядом стоявшая матушка тяжело вздохнула.

— Сейчас заседает собрание нашего прихода, сказал "батюшка," почему бы вам не пойти туда и объяснить?...

— Да я там уже был.

— Ну, и что они сказали?

— Почти все ваши прихожане хотят знать, почему русские "ди-пи" не едут в Советскую Россию...

— А почему они туда не едут? — как бы в раздражении спросил "батюшка."

— Ну, знаете, "батюшка," кому же хочется ехать в рабство?

— Хитрые, — заключал он.

На этом моя беседа с настоятелем православного независимого прихода закончилась.

Через неделю после этого большевики в лице Объединенного Комитета устраивали конференцию русских организаций г. Чикаго в помещении того же независимого прихода. Чтобы пустить пыль в глаза верующим, они объявили, что на этой конференции будет "отслужена панихида по убиенным в Сталинграде."

Панихиду отслужил священник Ведерко, а после молебна выступил с речью, которая так понравилась большевикам, что большевик Сеоев почти что на руках снес Ведерко с эстрады. Провожая его, Сеоев любезно просил независимцев посторониться, а свою ком-кобылку просто отшвыривал и орал: "Чего стоите на дороге? Не видите? Батюшко идёт! Дорогу!..."

Затем, после речей, тот же Сеоев и прочие большевицкие авгуры, вертясь около передовых независимцев, говорили: "Ваше мнение такое же, как и наше... Слушайтесь вашего батюшки."

При таком положении организовать Комитет Помощи Д. П. — дело не легкое. Но я не унываю и буду продолжать свои попытки. По этому вопросу я решил выступить в печати. Моя статья, напечатанная в "Рус. Обозрении," наделала много шуму. На увеселительном вечере сестричества РНзОВ на меня была произведена устная атака не со стороны большевиков, а со стороны "святых жен мироносиц," которые вместе с батюшкой Ведерко молятся за всех нас, грешных... Одетые в дорогие меха, "святые" примадонны стали мне доказывать, что будто бы я "взял на себя Иудино дело," так как все эти невозвращенцы — "страшные грешники, неверующие, изменники и предатели родины..." что они сякие и этакие и что их "всех надо казнить..." Выслушав их проклятия по адресу "ди-пи," я им ответил:

— Знаете, милостивые мироносицы, вы распущены добродетелями американского капитализма, а ваш ум отравлен ложью и лицемерием большевизма. Вы не верите ни в Бога, ни в Чорта, ни в идеи Христа. Вы сыты, одеты и согреты, а потому не чувствуете ни голода, ни холода и нет в вашей душе жалости к голодным и холодным... Вы похожи на разодетые чучела, за спинами которых укрываются большевицкие авгуры...

Однако оказалось, что в этом вопросе женщины не были единодушны. Одна из них потребовала: "Дайте доказательства, что русские ди-пи — честные люди." Другая немедленно дала ей номер журнала "Дело Труда-Пробуждение" со словами:

— Вот! Вот тебе доказательство. Здесь есть статья женщины из Ленинграда. Почитай, может, это очистит твою душу от греха..."

Секретарша сестричества заинтересовалась статьей. Госпожа В. вынула из портфеля второй экземпляр журнала "ДТП" и дала ей. Затем она вынула третий экземпляр журнала и со слезами на глазах начала читать мне статью женщины из Ленинграда.

После опубликования в "Рус. Обозрении" моей статьи "Информация для Д. П." мне позвонили по телефону женщины из другого прихода, где имеется группа прихожан, собирающих вещи для русских ди-пи. Я побывал и у них Женщины эти добыли от какой-то богатой компании фунтов сто совершенно новой одежды: мужские рубашки. женские платья и разное детское бельё.

— Куда всё это направить? — спросили они меня. Я сказал, что имею 12 адресов и предложил им направить туда. Согласились. Но так не вышло: из-за отсутствия денег на пересылку они вынуждены были отдать часть собранных вещей на Левит Стрит. Не знаю, что будет дальше с этой группой.

Несмотря на первые неудачи, я всё же не теряю надежды организовать Комитет Помощи русским невозвращенцам в Европе. **С. Володькин**

ПАССЭЙК, Н. Дж. — Уважаемые товарищи, двадцать долларов распределите следующим образом: 10 д. — в издательский фонд журнала "ДТП," 5 д. — в фонд Беркмана для поддержки политических жертв фашизма и 5 д. в пользу болгарских товарищей — жертв тоталитарного большевизма. **В. Н. Б.**

ЭЛЬ-МОНТЕ, Калиф. — Уважаемые товарищи, посылаю Вам 20 долларов, которые были собраны по подписному листу № 3-А в издательский фонд журнала "ДТП." Жертвовали следующие товарищи: Э. Моисеева и Альберт—по 5 д.; К. Русакова и Р. Густав — по 3 д.; Г. Гинзбург и М. Надельман — по 2 д. **Моисеева.**

ДЕТРОЙТ, МИЧ. — Уважаемые товарищи, в продолжении многих лет я читаю журнал "Дело Труда-Пробуждение," который я всегда приобретал от т. Коваленко где-либо на балу или на митинге какой-либо организации, где он распространял или успешно защищал его в дискуссии с каким-нибудь новичком. Таким путем я всё ближе знакомился с гражданином Коваленко и больше узнавал его, а вместе с тем каждый раз при встрече я увеличивал долю своей лепты на журнал, который полюбил так же, как и его распространителя. Должен сказать, что в лице Коваленко ваш журнал имеет преданного идеального работника, бескорыстного и честного, каких не легко найти среди других организаций, что служит залогом его успехов в сборе денежных средств в пользу журнала "ДТП." Об этом свидетельствует отчет, напечатанный в последнем выпуске.

С этим письмом посылаю вам в пользу журнала "ДТП" мой личный чек на 10 д., которые, откровенно говоря, были предназначены граж. Коваленко за сделанную им ценную работу для моей фирмы. Но так как он отказался взять эти деньги, а я настаивал принять их, то Коваленко пошел на компромис, сказав: "В таком случае пошлите журналу "ДТП," который вы давно уже поддерживаете и который всегда нуждается в помощи." Неоценимый работник граж. Коваленко в Детройте! Желательно, чтобы в других городах Америки желающие видеть Дело Труда продолжали пробуждать ещё не пробудившихся и последовать примеру т. Коваленко в Детройте. Уваж. Вас **Иван Сивко.**

ГАЛЬТ, Онт., Канада. — Уважаемые товарищи, посылаю вам пять долларов: 2 д. в счёт подписки и 3 д. — в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." Желаю вам успеха в вашей полезной работе. **Ф. Макаров.**

ХЕМПСТЕД, Н. И. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежным переводом 18 долларов, из которых 4 д. составляют выручку за 20 экземпляров № 23 и 24 журнала "ДТП," а 15 д. — пожертвования в издательский фонд журнала: К. Шахмут и В. Радуха — по 5 д., В. Полуянчик и Т. Жданович — по 2 д. и М. Мищенко — 1 д.

Желательно, чтобы журнал "ДТП" уделял больше внимания освещению вопросов международного рабочего движения и американского. **Ф. Жданов.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи, посылаемые вам 19.50 образовались из следующих сумм: 2 д. от В. Крагеля в счет подписки на журнал; 2.50 получены от распространения № 24 "ДТП"; 10 д. пожертвованы в издательский фонд "ДТП" (С. Медынич — 5 д., К. Семенос — 3 д. и М. Березовский — 2 д.); 5 д. от С. Медынича на пересылку литературы в Европу. С тов. прив. **С. Медынич.**

ВИННИПЕГ, Ман., Канада. — В редакцию журнала "Дело Труда-Пробуждение." Прошу не отказать выслать мне пробный номер вашего журнала. **А. Б. Петерс.**

МАСПЕТ, Н. И. — В редакцию журнала "ДТП." Посылаю вам два доллара и прошу высылать мне ваш журнал "Дело Труда-Пробуждение." Хотя я — старик (мне 69 лет), но я люблю читать статьи о России. Сам я из Латвии. **И. Измайлович.**

ПИКЕРЕЛ РИВЕР, Онт., Канада. — В редакцию журнала "ДТП." Посылаю вам в счет подписки на уважаемый журнал "ДТП" один дол. **А. Болотенко.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежный перевод на 17 д. 50 с. Из них 10 д. предназначено в фонд издания болгарской брошюры на английском языке — пожертвование группы г. Филадельфии, а 7.50 составляют выручку за № 24 "ДТП." Одновременно просим поместить в журнале наш отчет о сборе средств в пользу наших больных товарищей.

По выпущенным группой подписным листам поступили следующие пожертвования: По листу № 3, из Дирборн, Мич.: С. Савко — 2 д., П. Дмитрошко и С. Столпак — по 1 д.; И. Лазарук, И. Гиленский, М. Федорышен, К. Козлов, Г. Януко, М. Пригодич, И. Лацук, С. Скробак, И. Восчец, М. Зайцев и А. Пекарский — по 50 сентов; В. Москов и Рита Лазарук — по 25 с. По листу № 4, Шенандоа, Па.: В. Ящук и Ф. Жук — по 5 д. По листу № 5, Честер, Па.: С. Гуменюк, И. Тупиков, В. Басистый, Д. Климчук, П. Гуменюк, С. Братун, И. Гураш, В. Куриско, Г. Королев и А. Крижановский — по 1 д.; И. Балюк, А. Левый, Т. Мисура, И. Абрамчук, В. Сенько и Д. Веремейчук — по 50 с.; М. Сукало и И. Тонушко — по 25 сентов. По листу № 6, г. Нью Иорк: 25 отдел РООВА — Союз Российских Тружеников — 10 д.; Нина и Иван Самусины—по 5 д.; И. Данилюк — 3 д.; Н. Язинский, П. Буркевич и В. Свида — по 2 д.; М. Вишняков, Б. Войтович, С. Каминский, С. Мурашко, Ф. Макаренко, А. Лазаренко и Неизвестный — по 1 д. По листу № 8, Филадельфия: И. П., А. и К. Захаровы и Я. Тимощук — по 5 д.; М. Кацевич и А. Бельский — по 3 д.; Е. Мардеч, Р. Кацевич, А. Горос, Е. Дуб и П. Марфель — по 2 д.; И. Бойчук, Н. Василюк и Н. Колибаба — по 1 д.; М. Виона, Г. Романюк, Ю. Папина и С. Косенчук — по 50 с. и Майк — 25 сентов. Сердечная благодарность всем жертвователям. **Секретарь Т.**

НЬЮ КЕСТЛЬ, Пенна: — Уважаемые товарищи, посылаю вам 2.50, вырученные от распространения № 24 журнала "ДТП." **Д. Слаутич.**

ДЕТРОЙТ, Мич. — Уважаемые товарищи, так как журнал "ДТП" — единственный на русском языке орган безвластников, который правильно освещает современные события, проделываемые политиками всех стран мира, то я посылаю на его поддержку три доллара. В особенности нас интересует Россия и всё, что там делается хорошего, нас радует, а всё дурное возмущает. Кровь русского народа проливали татары, затем Романовы, а ныне — большевики. Верю, что народы России освободятся от большевицкого ига и устроят такой общественный строй, при котором производство и потребление будут организованы на добровольных началах кооперативами и вольными коммунами и не будет принудительного центрального органа власти. Меня радует ещё и то, что вы не спрашиваете российских "ди-пи" их политические и религиозные убеждения, а помогаете им по силе ваших возможностей. Это ещё раз доказывает вашу широкую гуманитарность. **А. Керухин.**

ФЕРНИ, Б. К., Канада. — Глубокоуважаемые товарищи "ДТП," посылаю вам доллар в фонд издания журнала и одновременно уведомляю вас, что я выезжаю отсюда. Ещё не знаю, где остановлюсь. Сообщу потом, когда устроюсь на новое местожительство, и тогда вышлете мне уважаемый журнал "ДТП." **С. Дзюбин.**

КНИГИ и БРОШЮРЫ

Редакцией "ДТП" получены для отзыва следующие книги и брошьюры:

"Из Моих Воспоминаний" — проф. В. Ф. Тотомианц. 1943, София, Болгария. Склад в США: J. Cherney, 6671 Michigan Ave., Detroit 10, Mich.

"Мельница в Лесу" — Г. Кремлев. Русское Зарубежное Издательство "Златоуст," Мюнхен, Германия. 1947.

"В Побежденной Германии" — Сабик-Вогулов.

"Огненное Небо" — архим. Алексий Дехтерев, **"Под Огненным Небом в Египте"** — М. Т. Зароченцев. Цена 10 с. Адрес: M. T. Zarotschenzeff, 821 No. Harvard Blvd., Los Angeles, Calif.

"Россия и Эмиграция" (Сборник) — Д. Далин, Б. Двинов, С. Мельгунов, В. Оболенский, И. Херасков. Париж, Франция. 1947. Цена 40 франков.

"За Россию" (Сборник) под редакцией С. П. Мельгунова. 1948. Цена 50 франков. Адрес: "Less Independants," Boite Postale 36, Paris (XV), France.

"Басни и Смешные Рассказы"; "Басни"; "Просто Рассказы"; "Легенда о Черной Лошаде" и "Смешные Рассказы" — М. М. Жерлицын. Нью Иорк, 1947. Цена от 1 до 2 д. Адрес: M. Jerlitzyn, 222 E. 60th St., New York, N. Y.

"Солидарность и Общественное Развитие" — Д. В. Владимирский. Издательство Etudes et Editions Etrangeres, Boite Postale 2507, Paris (LII), France.

"The Social General Strike," by Tom Brown. Anarchist Federation of Britain, 59 Malham Rd., Forest Hill, London, S.E. 23, England.

"Communism," "Studies in Communism," "Pioneers of Anti-Parliamentarism," "At Grips with War," by Guy A. Aldred, Strickland Press, 104 George St., Glasgow, C. 1, England.

"The Social Lesson of the 'Exodus Affair'." Research Department of the Centre of Social and Professional Guidence for Aliens. Director Abbe A. Glasberg. Editions Realite. 4 Rue Cochin, Paris, France.

"Album of Great Outstanding and Eminent Personalities of Russia," by Rev. In. Serisev. Two Parts: No. 1 and No. 2; $1.50 each copy. Publisher and Editor Rev. I. Serisev, Box 2988 G.P.O., Sidney, Australia.

"Principles of Non-Violent Economics," by M. P. T. Acharya. Economic Bulletin No. 1. Calcuta, 1947.

"La Organizacion Obrera y la Accion Directa." Montevideo, Uruguay, 1947.

"La Revista de Studios Eslavos," Vol. 1, No. 1, Marzo, 1947; No. 2, Septiembre, 1947. Director y Editor: Prof. Boris Popovitzky, Apartado Postal 2263, Mexico, D. F. Subscription annual $1.00.

"Karaganda — la Tragedia del Antifascismo Espanol." Ediciones del M. L. E. — C. N. T., Toulouse, Marzo, 1948. Adres: 4 Rue Belfort, Toulouse (H.-G.), France.

"Inquietudes," Revista de las Juventudes Libertarias. No. 1, 2, 3, 4, 5 y 6, Mayo-Diciembre, 1947. Address: Faustino Piquer, 19 Rue du Port, Bordeaux (Gir.), France.

"The Truth About the Doukhobors," by Mrs. Florence Lebidoff, and Documents No. 1-8. Crescent Valley, B. C., Canada.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
ЗА ЯНВАРЬ-МАЙ 1948 ГОДА

ПРИХОД:

Поступило подписки на журнал "ДТП"	46.50
Поступило за проданные номера журнала	103.55
Поступило за книгу Николаева	40.50

Пожертвования на издание журнала:

Через т. Коваленко, Детройт, по листу № 24	190.75
25-й отдел РООВА	25.00
Через т. Моисееву, Эль-Монте, по л. № 3А	20.00
Через т. Скитальца, Филадельфия, лист № 8	19.00
Через т. Медынича, Юнгстаун, Охайо	18.50
Через т. Жданова, Хемпстед, Н. И.	15.00
Н. Г., Гэри, Индиана	12.00
П. Б. Б., Нью Хэйвен, Конн.	11.50
П. Кунавич, Фредерикс, Мэриланд	10.00
А. Канадюк, Флошинг, Н. И.	10.00
Л. Хрипливый, Кливланд, Охайо	10.00
В. Гаврилов, Чикаго, Иллинойс	10.00
А. Титаренко, Джэмейка, Н. И.	10.00
В. и Н. Б—ко, Пассэйк, Н. Дж.	10.00
И. Сивко, Детройт, Мич.	10.00
Через т. Слаутича, Нью Кэстль, Па., л. № 7	9.00
Н. Демидович, Джэймспорт, Н. И.	8.00
Через т. Воробьева, Хартфорд, Конн.	6.00
Б. Гершенфельд, Бронкс, Н. И.	5.00
Е. Соло, Кливланд, Охайо	5.00
Старый Читатель, Вотербури, Конн.	5.00
В. Савук, Балтимора, Мэриланд	5.00
С. Гуцев, Акрон, Охайо	5.00
К. Зеленюк, Бронкс, Н. И.	5.00
Джо Гордин, Бруклин, Н. И.	5.00
К. Короневский, Нью Хэйвен, Конн.	5.00
Читатель, Балтимора, Мэриланд	5.00
И. Богин, Мохиген, Н. И.	5.00
Через т. Каминского, г. Нью Иорк	4.50
С. Дзюбин, Ферни, Б. К., Канада	3.65
Через т. Резановича, Монтреаль, Канада	3.50
В. А., Вотербури, Конн.	3.50
Ю. Прокопчук, Пибоди, Мэсс.	3.00
Я. Кульгавчук, Ансонвиль, Канада	3.00
И. Степовой, Интернэйшонал Фоллс, Мин.	3.00
А. Громыко, Кливланд, Охайо	3.00
Ф. Макаров, Гальт, Канада	3.00
А. Керюхин, Детройт, Мич.	3.00
А. Станкевич, Нюарк, Н. Дж.	2.00
В. Свида, г. Нью Иорк	2.00
С. Сак, Виндзор, Онт., Канада	2.00
Я. А. К., Антверпен, Бельгия	2.00
Ф. Шенюк и Е. Моцегуд, г. Нью-Иорк по 1 д.	2.00
В. Миров, Филадельфия, Пенна.	1.00
М. Грин, Бриджпорт, Конн.	1.00
А. Куница, Буэнос-Айрес, Аргентина	1.00
Итого	692.95

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 24 "ДТП"	302.00
Рента почтового ящика за 3 месяца	4.00
Остаток на 1 июня 1948 года	385.95
Итого	692.95

Глубокая и сердечная благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала.

Редакционная Коллегия.